

*Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Центральная городская публичная библиотека имени А.П. Чехова
Отдел «Центр краеведческой информации»*

Чехов
150
ТАГАНРОГ 2010

Поэтический венок Чехову

Таганрог, 2019

Поэтический венок Чехову / Сост. Э.В. Тимошенко, О.И. Галушко. – Таганрог: ЦГПБ имени А.П. Чехова, 2019. – 89 л.

Сотни поэтических строк посвящены памяти А.П. Чехова. Если собрать воедино только стихотворения современников писателя, то объем рукописи составит весомый поэтический том.

В данный сборник вошли стихи дореволюционных, советских и донских как широко известных поэтов, так и стихотворцев-дилетантов — чистосердечных почитателей чеховского таланта.

Стихи Чехову посвящали такие разные по своим творческим устремлениям поэты, как Яков Полонский и Алексей Плещеев. Поэзия чеховской «Степи» стала для них мощным эхом лучших образцов отечественной лирики, в повести они видели «бездну поэзии». А Иван Бунин называл Чехова «одним из самых величайших и деликатнейших русских поэтов».

Поэтичность чеховской прозы отчетливо выявилась в языковой стихии писателя, в «пластическом изображении словом», в простоте и образной точности. Остро чувствуя литературную фальшь, стертый поэтический образ, который ничего уже не мог сказать уму и сердцу читателя, Чехов в своем творчестве открывал новые формы. Он понимал, что для создания картины лунной ночи (излюбленная тема поэтов всех времен и народов!) не обязательно прибегать к банальному описанию, а достаточно заметить, что «на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки». Это и завораживает поклонников творчества писателя — поэтов, музыкантов, артистов, художников...

Не все стихотворения, представленные в сборнике, равноценны по своему художественному уровню, не все выдержали испытание временем, но лучшим стихам о Чехове уготована долгая жизнь.

Сборник предназначен для школьников, студентов, всех ценителей поэзии и творчества нашего великого земляка.

Компьютерный набор и дизайн: О.И. Галушко, ведущий библиограф отдела «Центр краеведческой информации» ЦГПБ имени А.П. Чехова

Оглавление

РОССИЙСКИЕ ПОЭТЫ	7
АФАНАСЬЕВ Л. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА	7
АХМАДУЛЛИНА Б. ВИШНЁВЫЙ САДЪ	7
БАЧИНСКИЙ К. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА	8
БЕСКИН М. ПЕВЦУ ПЕЧАЛИ	9
БРОДСКИЙ И. ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧЕХОВУ	9
БУЛАНИНА Е. ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ «ЧАЙКИ» ЧЕХОВА	10
БУНИН И. ХУДОЖНИК	11
WEGA ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА	11
ГАРИН Ф. В ЧЕХОВСКИХ МЕСТАХ.....	13
ГЛАЗКОВ Н. ЧЕХОВСКИЙ ДОМИК.....	13
ОТ ДАЛЯ (КАЗАК ЛУГАНСКИЙ) «ТОМУ, КОТОРЫЙ ПРЕУСПЕЛ...»	14
ДРУНИНА Ю. ЯЛТА ЧЕХОВА	14
ЗИЛОВ Л. ЧЕХОВУ	14
ИСКАНДЕР Ф. ПАМЯТИ ЧЕХОВА	15
КАРАСЕВИЧ А. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА	15
КАРПОВ Н.Н. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.....	16
КНОПОВА С. ЧЕХОВ	16
КОБЗЕВ И. ЧЕХОВСКАЯ ПРОВИНЦИЯ	16
КОРОБОВ В. ЧЕХОВСКИЙ САД	17
КРОН А. ЧЕХОВУ	17
КРУЖКОВ Г. ЧЕХОВ	18
КУБЛАНОВСКИЙ Ю. В АЛОМ, ГОТОВОМ ОСЫПАТЬСЯ ВСКОРСТИ...	19
ЛАДЫЖЕНСКИЙ ВЛ. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА	20
ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ЭЛЕГИЯ	20
ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ИРОНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК	21
ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ЯЛТИНСКИЙ ДОМИК	22
ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ШАМΠΑНСКИМ НАПОЛНЕН БОКАЛ.....	22
ЛИСЯНСКИЙ М. ДОМ ЧЕХОВА.....	23
LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) ПРОЧЕЛ Я ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»...	24
Прочел я Чехова "Три года"	24
LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) СТРАНИЧКА ИЗ ПИСЬМА CDIV (...)	24
LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) ЧЕХОВУ.....	25
LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) 17 ЯНВАРЯ 1910 Г.	25
LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) У МОГИЛЫ ЧЕХОВА.....	26

ЛУКЪЯНОВ А. А.П. ЧЕХОВУ.....	28
ЛУКЪЯНОВ А. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА.....	28
МЕЧ Р. ПУТЬ ЧЕХОВА.....	29
МИКУШЕВИЧ В. ЧЕХОВ В ЯЛТЕ	31
МИХАЙЛОВ И. ЧЕХОВ В ТАГАНРОГЕ	31
НАРБУТ В. ЧЕХОВ.....	34
НОВИКОВ И. ЗА ЧТЕНИЕМ ЧЕХОВА	36
НОВИКОВ И. СЛОВА И ЗВУКИ	36
НОВИКОВ И. «ДОМ С МЕЗОНИНОМ».....	37
НОВИКОВ И. ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА	37
ОКУДЖАВА Б. АНТОН ПАЛЫЧ ЧЕХОВ ОДНАЖДЫ ЗАМЕТИЛ	38
ПЛЕВАКО С.Ф. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА	39
ПЛЕЩЕЕВ А. АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ	39
ПОЛОНСКИЙ Я. У ДВЕРИ.....	40
РОМАНОВ В. ЛАВКА ЧЕХОВЫХ.....	42
РОСТОВЦЕВА И. ЧЕХОВ	42
РУССАТ ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.....	43
СЕВЕРЯНИН И. ЧЕХОВ.....	43
СВОБОДИН П.М. И ОН УШЕЛ ОТ НАС... ..	43
СКИТАЛЕЦ (СТЕПАН ПЕТРОВ) ПАМЯТИ ЧЕХОВА	44
СОКОЛОВ В. ДОМ С МЕЗОНИНОМ	45
СТОЛИЦА Л. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА	45
ТРУБИЦЫН В. В ГОСТИ К ЧЕХОВУ	46
ФЕДОРОВ А. ЕГО Я ЧАСТО ВСПОМИНАЮ... ..	46
ФОФАНОВ К. ПАМЯТИ АНТОНА ЧЕХОВА	47
ФРИДБЕРГ Д. А. П. Ч.	47
ЧЕРНОБАЕВ Е. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.....	48
ЧЕРНОБАЕВ Е. В ВИШНЕВОМ САДУ (Памяти А. П. Чехова)	48
ЧЕРНЫЙ САША ПРОСТЫЕ СЛОВА (Памяти Чехова)	49
ЧЕРНЫЙ САША АХ, ЗАЧЕМ НЕТ ЧЕХОВА НА СВЕТЕ.....	49
ЧУМИНА О. В КРЫМУ У ЧЕХОВА	50
ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК Т. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА.....	51
ДОНСКИЕ ПОЭТЫ	53
БАКУМОВ С. ЧЕХОВУ	53
БАРСУКОВ Э. ДУМАЛ ОН О БУДУЩЕМ РОССИИ.....	53
БОНДАРЕНКО И. ЛЕГЕНДА О ЧАЙКЕ	53

БОРИСОВА-ИПОКРЕНА М. ДОМИК ЧЕХОВА.....	54
БРАНСБУРГ С. ЯЛТИНСКИЙ СЮЖЕТ	55
БРАНСБУРГ С. ДРАМАТУРГ И АКТРИСА.....	56
БРАНСБУРГ С. «ТРИ СЕСТРЫ»	56
БРАНСБУРГ С. ПАМЯТНИК ЧЕХОВУ	57
БРАНСБУРГ С. ВЕЛИКИЙ ТАГАНРОЖЕЦ.....	58
БУРЦЕВА Н. ЕЩЕ РАЗ О ЧЕХОВЕ	58
ВАЙСБЕРГ М. А. П. ЧЕХОВУ	59
ВОЛОШИНОВА Л. А. П. ЧЕХОВУ.....	59
ГАРНАКЕРЬЯН А. ТАГАНРОГУ	60
ДАНЬКОВА В. УХОДЯЩИЙ В БЕССМЕРТИЕ ЧЕХОВ	60
ЕВСТИГНЕЕВ Е. НАД КНИГОЙ ЧЕХОВА.....	61
ЖАК В. ВАНЬКАМ ЖУКОВЫМ	62
ИЗЬЮМСКИЙ И. «ТЕБЯ С НАМИ ТЕЛОМ УЖЕ НЕТ, НО ДУШОЮ...»	63
ИСХАКОВА К. В ЯЛТЕ	64
ИСХАКОВА К. ЛИЦО ЧЕХОВА	64
ИСХАКОВА К. МАЛЕНЬКИЙ ДОМ	65
ИСХАКОВА К. АВИЛОВА И ЧЕХОВ.....	65
ИСХАКОВА К. ВИШНЕВЫЙ САД	67
ИСХАКОВА К. ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО	68
ИСХАКОВА К. ТРИ ЦВЕТА ОДНОГО ПОРТРЕТА	69
КАРПИНСКИЙ Б. ПЕНАТЫ ЧЕХОВА	70
КАРПИНСКИЙ Б. РАЗГОВОР С ЧЕХОВЫМ.....	71
КОВАЛЕВСКИЙ В. ЗВЕЗДА ЧЕХОВА.....	72
КОНЮХОВ В. У ДОМИКА ЧЕХОВА	72
КОТЕЛЬНИЦКИЙ А. АНТОШИНЫ КАНИКУЛЫ.....	73
КРУЧНИНА С. ЧЕХОВ НА РОДИНЕ	74
КУДРЯВЦЕВ Г. ЧЕХОВ.....	74
ЛОЗОВСКИЙ В. РАЗМЫШЛЕНИЯ У ДОМИКА ЧЕХОВА	75
МОИСЕЕВ В. ЧЕХОВ	75
МОРОЗОВ Н. У ДОМИКА ПИСАТЕЛЯ.....	75
МОРОЗОВ Н. ПАМЯТНИК ЧЕХОВУ.....	76
МОРОЗОВА Т. ДОКТОР ЧЕХОВ.....	77
МОРОЗОВА Т. В СТАРОМ ТАГАНРОГЕ	77
МОРОЗОВА Т. ДОМ-МУЗЕЙ А.П. ЧЕХОВА	78

МОРОЗОВА Т. «ДЯДЯ ВАНЯ» В ТЕАТРЕ ИМЕНИ А.П. ЧЕХОВА В ПОСТАНОВКЕ Ю. КАЛАНТАРОВА.....	78
ОБРАЗЦОВА Н. «ПОКИНУВ С ЮНОСТИ РОДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ...»	79
ОБРАЗЦОВА Н. «ЯПОНСКАЯ ЧАЙКА»	80
ОБРАЗЦОВА Н. ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК	80
ОБРАЗЦОВА Н. КАМЕННАЯ ЛЕСТНИЦА	81
ОБРАЗЦОВА Н. ЧЕХОВ	82
ОБРАЗЦОВА Н. ВЗГЛЯД НА ВОСТОК	82
ОБРАЗЦОВА Н. СОВРЕМЕННИК	83
ОБРАЗЦОВА Н. В МЕЛИХОВЕ	84
ОБРАЗЦОВА Н. ЧЕХОВУ	84
ОБРАЗЦОВА Н. СКУЛЬПТОР НЕ ИЗВЕСТЕН	85
ОБРАЗЦОВА Н. ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ	86
ОБРАЗЦОВА Н. ПУТЕШЕСТВЕННИК	86
ОБРАЗЦОВА Н. ТОКИО ЭНГЕКИ	87
ОБРАЗЦОВА Н. СОЕДИНИЛА СЦЕНА	88
ПАЛИЙ А. НА ЧЕХОВСКОМ ПОДВОРЬЕ	88
ПАЛИЙ А. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА	89
ПАЛИЙ А. ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ	89
ПАТОКА И. В ОЧЕРЕДНОЙ (КОТОРЫЙ!) РАЗ...	90
ПАТОКА И. ЧЕХОВУ	91
ПОКРОВСКАЯ О. ПРОЗАИК	92
ПОКРОВСКАЯ О. СНОВА ЧЕХОВ. И ТАК КАЖДЫЙ ГОД...	93
ЧЕХОВСКИЙ КРАЙ (СЛОВА И МУЗЫКА О. ПОКРОВСКОЙ)	93
ПУХЛЯКОВА К. А. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА	94
РАВИЧ-ЩЕРБА Г. В ЛАВКЕ ЧЕХОВА	94
САПОТНИЦКАЯ Н. «ЧЕЛОВЕК, В КОТОРОМ ВСЕ ПРЕКРАСНО...»	95
СУХОРУЧЕНКО Г. ГОРОД ЧЕХОВА	95
СУХОРУЧЕНКО Г. КАРТИНУ РИСУЕТ ХУДОЖНИК	96
СУХОРУЧЕНКО Г. ЧЕХОВ	96
ТКАЧЕВ И. А. П. ЧЕХОВ	97
ФИЛИППОВА О. СНЕГ ШЕЛЕСТИТ ПО ТАГАНРОГУ	97
ФИЛИППОВА О. В ЛАВКЕ ЧЕХОВЫХ	98
ФИЛИППОВА О. ИЗ ЦИКЛА «НАБРОСКИ»	98
ХАРИНА Л. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА	99
ШАПОЧКА Е. «АХ, ЗАЧЕМ ЖЕ НАМ ВСЕМ УМИРАТЬ! ...»	99

РОССИЙСКИЕ ПОЭТЫ

АФАНАСЬЕВ Л. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА

От смерти не уйти, — но он угас так рано!
Давно в своих когтях терзал его недуг,
А сердце верило в чаду самообмана,
Что молодость сильна и сломит тяжесть мук.

Надежды не сбылись! Дух отлетел от тела!..
Смежился чудный взор и замерли уста!..
До срока день погас, до срока жизнь сгорала
Невоплощенною, как лучшая мечта!

Не терпит мертвый мрак живительного света,
Застой — движения, уродство — красоты!
Жизнь гневная, как вихрь, любовью не согрета,
В движеньи роковом мнет нежные цветы!

Разбит судьбой талант, погиб художник слова,
Открывший нам глаза на тину мелочей,
На пошлость их, как яд, вливающий сурово
Мертвящую тоску в свинцовый сумрак дней!

Призывами к любви, к труду, к свободе, к свету
Он трепетно будил унылые сердца,
И силы зажигал, и слабому расцвету
Нес ласку и тепло без меры и конца.

Пред хрупкой чистотой души благоуханной
В немом восторге он, как жрец, благоговел,
Искал прекрасного с тревогой неустанной
И муками других терзался и болел!

Но призрак роковой стоял безмолвной тенью...
Темнели небеса и в тучах гас закат,
И грустных соловьев чарующему пенью,
Беззвучно сыпля цвет, внимал «Вишневый сад»...

И вдруг примчалась весть, наполнив сердце страхом:
Он умер!.. Он угас!.. И мы, склонив чело,
Стоим в немых слезах, стоим над милым прахом
Того, кто нас любил так нежно и тепло!

Русская мысль. 1904. №8. С.153-154

АХМАДУЛЛИНА Б. ВИШНЁВЫЙ САДЪ

Не описать ли... не могу писать...
Весь белый свет - спектр, сумма розней, распрей.
В окне моём расцвёл вишнёвый сад -

белейший семицветный день февральский
Сад - самоцветный самовластный день.
Сомкнувши веки, что в окне я вижу?
Сад - снегопад - слышней, чем вздор людей.
Тот Садъ Вишнёвый - не лелеет вишню -
не потому, что саду лесоруб
сулит расцвет пустыни диковатый.
Был изначально обречён союз:
мысль и соцветья зримых декораций.
Так думал Бунин - прочитает всяк,
кто пожелает. Я в сей час читаю.
Чем зрителю видней Вишнёвый садъ,
тем строже Садъ оберегает тайну.
Что я в ночи читаю и о Ком -
мне всё равно: поймут ли, не поймут ли.
Тайник - разверст и затворен. Доколь
скорбеть о тайне в скрытном перламутре?
Вишнёвый сад глядит в моё окно.
Огонь мыса опалает подоконник.
Незванный, входит в дверь... не знаю: кто.
Кто б ни был он, я - жертва, он - охотник.
Вишнёвый сад в уме - о таком
не слыхивал тот, кто ошибся дверью
Как съединились сад и Таганрог, -
понятно лишь заснеженному древу
в окне моём. Тот, думаю о Ком, -
при бытия мучительном ущербе,
нам тайн своих не объяснил. Но, он
врачу диагноз объяснил: "Jch sterbe".
"Жизнь кончена", - услышал доктор Даль.
Величие - и в смерти деликатно.
Вошедший в дверь, протягивая длань,
проговорил: - Насилу доискался.
Жизнь кончена? Уже? - Он в письмена
свой впери́л взгляд, возгоревав не слишком.
- К несчастью, это - не мои слова.
Склонившийся, их дважды Даль услышал.

Знамя. 2006. № 3. С.39

БАЧИНСКИЙ К. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА

Безвозвратно для нас отзвучали
Песни чуткой красивой души!..
Как бывали они хороши,
Эти песни тоски и печали!

Под лучистою кроткой улыбкой
Он тревожные Думы скрывал,
И в тех песнях как будто ошибкой,
Смех искрящийся часто звучал ...

Да, в тех песнях, порою веселых,
Столько муки тревожно больной,
Столько слез безысходно тяжелых,

Слез над хмурой строною родной.

Так средь ночи угрюмой и злой,
Поборов и боязнь и тревогу,
Путник ищет во мраке дорогу,
Отводя душу в песне лихой!

Так, таят свои горькие слезы
И в неволе без солнца поют —
Вспоминая, что где-то цветут
Ароматные нежные розы.

Чеховский юбилейный сборник стихотворений. Одесса. 1915. С.24

БЕСКИН М. ПЕВЦУ ПЕЧАЛИ

Пришедший в жизнь, чтоб быть Антошей,
Любил он смех беззлобной шутки,
Но жизнь давила тяжкой ношей,
Но дни без солнца были жутки...

И замер смех... С тоскливым стоном
Ушли со струн былые грезы,
Антоша сделался Антоном
И тихой грусти дал нам слезы.

Пусть смерть ему сомкнула веки, -
Не умер он, певец печали,
И не умрет для нас вовеки.

Чеховский юбилейный сборник. М. 1910. С. 14

БРОДСКИЙ И. ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧЕХОВУ

Закат, покидая веранду, задерживается на самоваре.
Но чай остыл или выпит, в блюде с вареньем — муха.
И тяжелый шиньон очень к лицу Варваре
Андреевне, в профиль — особенно. Крахмальная блузка глухо
застегнута у подбородка. В кресле, с погасшей трубкой,
Вяльцев шуршит газетой с речью Недоброво.
У Варвары Андреевны под шелестящей юбкой
ни-че-го.

Рояль чернеет в гостиной, прислушиваясь к овации
жестких листьев боярышника. Взятые наугад
аккорды студента Максимова будят в саду цикад,
и утки в прозрачном небе, в предчувствии авиации,
плывут в направлении Германии. Лампа не зажжена,
и Дуня тайком в кабинете читает письмо от Никки.
Дурнушка, но как сложена! и так непохожа на
книги.

Поэтому Эрлих морщится, когда Карташов зовет
сразиться в картишки с ним, доктором и Пригожиным.
Легче прихлопнуть муху, чем отмахнуться от

мыслей о голой племяннице, спасающейся на кожаном диване от комаров и от жары вообще.
Пригожин сдает, как ест, всем животом на столике.
Спросить, что ли, доктора о небольшом прыще?
Но стоит ли?

Душные летние сумерки, близорукое время дня;
пора, когда всякое целое теряет одну десятую.
«Вас в коломянковой паре можно принять за статую
в дальнем конце аллеи, Петр Ильич». «Меня?» —
смущается деланно Эрлих, протирая платком пенсне.
Но правда: близкое в сумерках сходится в чем-то с далью,
и Эрлих пытается вспомнить, сколько раз он имел Наталью
Федоровну во сне.

Но любит ли Вяльцева доктора? Деревья со всех сторон
липнут к распахнутым окнам усадьбы, как девки к парню.
У них и следует спрашивать, у ихних ворон и крон;
у вяза, проникшего, в частности, к Варваре Андреевне
в спальню:

он единственный видит хозяйку в одних чулках.
Снаружи Дуня зовет купаться в вечернем озере.
Вскочить, опрокинув столик! Но трудно, когда в руках
все козыри.

И хор цикад нарастает по мере того, как число
звезд в саду увеличивается, и кажется ихним голосом.
Что — если в самом деле? «Куда меня занесло?» —
думает Эрлих, возясь в дощатом сортире с поясом.
До станции — тридцать верст; где-то петух поет.
Студент, расстегнув тужурку, упрекает министров
в косности.

В провинции тоже никто никому не дает.
Как в космосе.

Бродский И. Осенний крик ястреба. СПб. 2008. С.436-437

БУЛАНИНА Е. ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ «ЧАЙКИ» ЧЕХОВА

Заря чуть алеет. Как будто спросонка,
Все вздрогнули ивы над светлой водой.
Душистое утро, как сердце ребенка,
Невинно и чисто, омыто росой.
А озеро будто, сияя, проснулось
И струйками будит кувшинки цветы.
Кувшинка, проснувшись, лучам улыбнулась,
Расправила венчик, раскрыла листья...
Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды.

Над озером быстрая чайка летит:
Ей много простора, ей много свободы,
Луч солнца у чайки крыло серебрит...
Но что это? Выстрел... Нет чайки прелестной:
Она, трепеща, умерла в камышах.
Шутя ее ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.

...И девушка чудная чайкой прелестной
Над озером светлым спокойно жила.
Но в душу вошел к ней чужой, неизвестный, —
Ему она сердце и жизнь отдала.
Как чайке охотник, шутя и играя,
Он юное, чистое сердце разбил.
Навеки убита вся жизнь молодая:
Нет веры, нет счастья, нет сил!

БУНИН И. ХУДОЖНИК

Хрустя по серой гальке он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйля и близок и тяжел.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опущена косица,
Нога - как трость... Он говорит: "Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!"

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его - как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.

"С крыльца с кадиллом сходит толстый поп,
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защелкает, взовьется от забора -
И ну плясать и стучать клювом в гроб!"

В груди першит. С шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхая:
"Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль".

Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. Т.1. М. 1965. С. 308

ВЕГА ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

В далеком скучном Таганроге,
Над морем серо-голубым,
В степной глуши, где вдоль дороги
Стоят желтеющие стоги
И пыль клубится, точно дым,
Где над пшеничными полями
Хлопочут важные хохлы,
Где перед длинными арбами
Бредут ленивые волы,
Где звезды яркие и светлы. -
Родился он, живой, беспечный,
С горячей ласковой душой,
Подобной степи бесконечной,
Весенним солнцем залитой...
Он рос под жгучими лучами

Степного солнца и кругом
Глядел пытливыми глазами,
И отражались чутко в нем
Родного края впечатленья:
Полусожженные поля,
Ночного ветра дуновенье,
И тихий шелест ковыля,
И приазовские станицы
С рядами низеньких домов,
И длинных ветел вереницы
Вдоль грязных, тинистых прудов...
А в скучном пыльном Таганроге
Он видел жизни серый тон,
Пустые радости, тревоги,
Заботы, дрязги, лень и сон;
Среди тупой мертвящей тины
Он видел скучные картины
Тоскливой жизни без лучей,
Смешных и сумрачных людей...
И, покидая, степь родную,
Он сохранил в душ своей...
Он понял царство душ туманных,
Тоскливо спящих мертвым сном,
И ряд страниц благоуханных
Он написал о них потом...
Его влекла литература,
Влекло искусства торжество...
Но неприветливо и хмуро
Столица встретила его.
Был труден путь его тернистый,
Но он душой не унывал,
И смех беспечный и лучистый
В его твореньях не смолкал;
То были яркие страницы;
В них проходили вереницы
Смешных и сумрачных людей,
Ему знакомых с юных дней;
Смеялся он, но все темнее
И глуше делалось кругом...
И смех его звучал бледнее
И безнадежней с каждым днем...
То были сумрачные годы;
В России царствовал застой,
Давя мертвящею тоской;
И он все русские невзгоды
Глубоко чувствовал душой...
И смолк навеки смех веселый,
И мрак тоскливый и тяжелый
Его творенья одолел,
И в них уныло зазвучали
Мотивы, полные печали...
Душою чуткой он болел
За длинный ряд чужих страданий,
За горький жребий "Дяди Вани",
За злую долю "Трех сестер",
Вступивших с жизнью в тяжкий спор.
И все печальней и печальней

Страницы делались его,
И сказкой призрачной и дальней
Казалось света торжество...
Глухие, сумрачные годы
Его к могиле привели;
Он видел счастье вдали,
Но не дождался дней свободы,
Счастливых дней родной земли...

Чеховский юбилейный сборник. М.. 1910. С 12-14

ГАРИН Ф. В ЧЕХОВСКИХ МЕСТАХ

Бывал я тоже
 в чеховских местах...
Извилисты, круты
В Крыму пути в горах.
Край винограда.
 Грозы тут не долги.
И над дыханьем
 черноморских волн
Вдруг вертолет
 на голубой дороге
Сверкает, ярких
 блесток полн.
Открылся новый мир
 передо мной,
Весь лаской человеческой
 овеян!
Я слушаю, как вспененный
 прибой
О берег бьется, голубея.
Крик чаек.
Скалы.
Море.
Солнце.
Ах!
Как много света
 в чеховских местах!

Таганрогская правда. 1974. 17 мая. С.3

ГЛАЗКОВ Н. ЧЕХОВСКИЙ ДОМИК

На берегу Садового кольца
Стоит уютный двухэтажный домик,
К нему подходим, и уже с крыльца
Он нас с Антоном Павлычем знакомит.
Здесь доктор Чехов принимал больных,
Писатель Чехов сочинял страницы —
И гражданин великий их двоих
Соединил, чтоб правде утвердиться.

Достиг он зрелых творческих вершин
И помнил молодости идеалы...

Когда собрался я на Сахалин,
То в домик Чехова зашел сначала.

ОТ ДАЛЯ (КАЗАК ЛУГАНСКИЙ) «ТОМУ, КОТОРЫЙ ПРЕУСПЕЛ...»

Тому, который преуспел
И мудро сочетать сумел:
Ум пламенный с душою мирной,
Беспечность с жизнью трудовой,
Насмешку с милой простотой,
И лиру с трубкою клистирной"

Чехов А. П. Русская быль. Сборник статей. М. 1910

ДРУНИНА Ю. ЯЛТА ЧЕХОВА

Брожу по набережной снова.
Грустит на рейде теплоход.
И прелесть улочек портовых
Вновь за душу меня берет.

Прохладно, солнечно и тихо.
Ай-Петри в скудном серебре.
...Нет, не курортною франтихой
Бывает Ялта в январе.

Она совсем не та, что летом, -
Скромна, приветлива, проста.
И сердце мне сжимает эта
Застенчивая красота.
37

И вижу я все чаще, чаще,
В музейный забредая сад,
Бородку клином, плащ летящий,
Из-под пенсне усталый взгляд...

Друнина Ю. Избранные произведения в 2 т. Т.2. М. 1981. С.287

ЗИЛОВ Л. ЧЕХОВУ

Отцветают вишни... отцветают!
Начался их тихий белый лет...
Лепестки скамейки покрывают:
Прилетит, забьется и - замрет...

Девушки в сиреневых накидках
С грустным взглядом тихих карих глаз –
С зонтиками в паутинных нитках –
Лепестки целуют наклонясь.

Топоры меланхоличны на закате...
Рубят парк! Удары далеки –
Рубят с опушки... но в раскате
Рухнувших деревьев гнет тоски...

Мне видится провинция далекая,
Закиданная палою листвою,
Где, как по ксилофону, звонко цокая,
Извозчики рысят по мостовой...

А в сумерках бульварами, бульварами,
Где тусклые фонарики горят,
Телеграфисты шествуют с гитарами
И барышням о чувствах говорят.

Вокруг домов сады шумят вишневые,
Заросшие крапивой и репьем.
А в тех домах шкафы стоят дубовые,
Корицей пахнет, пахнет имбирем.

И в каждом доме, в каждом палисаднике
Хозяйка миловидна и стройна.
Анфиса, Серафима, Леокадия —
Такие у красавиц имена.

Серебряные крестики непрочные
Они под блузкой носят на себе,
И что-то есть шальное и порочное
В их строго засекреченной судьбе...

Кобзев И. Избранное. М. 1985. С.111

КОРОБОВ В. ЧЕХОВСКИЙ САД

За увитой ветками оградой,
как во сне, я вижу этот сад.
Он стоит, не тронутый распадом,
как и двадцать лет тому назад.
До последней черточки знакома
и щемящей нежности полна
одинокость чеховского дома,
грусть венецианского окна.
Кипарис. И в легкой дымке горы,
словно годы в дальнем далеке...
До сих пор слышны здесь разговоры,
чей-то смех... И тени на песке...
Но в ряду волшебных превращений
мне другой запомнился сюжет:
сад ночной, и на твои колени
молоком пролился лунный свет.
Ты была юна и белокура
в том далеком памятном году,
и стрела разящая Амура
угодила в сердце, на беду.
А когда в саду погасли свечи
южных звезд и день встал без прикрас, —
понял я значенье нашей встречи,
краткой, словно чеховский рассказ.

КРОН А. ЧЕХОВУ

Я стою перед, старым портретом,
Озаренным торжественным светом
Предвечерней, усталой тиши,
Перед взглядам спокойным, молчащим.
Слышу голос, в тоске говорящий
О страдании русской души.

Я стою перед, старым портретом,
Озаренным мечтательным светом
Уходящих вечерних лучей.
Вдруг повеяло свежей прохладой,
Ароматом Вишневого Сада
И степных многозвездных ночей.

Я стою перед старым портретом,
Озаренным тускнеющим, светом.
Серых будней томителен круг...
Но, мне кажется, Чехов улыбкой
Хочет сгладить их боль и ошибку,
Точно верный, испытанный, друг.

Я стою перед, старым портретом,
Озаренным таинственным светом.
Здесь повеяло Чайки крыло...
Сквозь печаль невеселого смеха
Мне кивает приветливо Чехов,
Улыбаясь тому, что ушло...

Дон. 1996. № 7. – С.174-175

КРУЖКОВ Г. ЧЕХОВ

Я Чехова прочел, когда болел.
Приятель школьный мне носил из дома
Собрание сочинений - по два тома.
Я все тома в неделю одолел.

А впрочем, писем, видно, не прочел,
И пьес, должно быть, и еще чего-то;
Но если я чего-то не учел,
То я и говорю не для учета.

Но чудится мне некий символ в том,
Что, как таблетку, в день глотал я том –
Который был давным-давно написан
И в точку оказался мне прописан.

Грипп в третьем классе -
Счастье, а не зло;
Я вряд ли понял, как мне повезло;
Лишь далеко по времени отъехав,
Тот курс леченья вспомнил вдруг -
И сам,
Уже ничьим не вторя голосам.
Соединил два слова;
Доктор Чехов.

Знамя. 1979. № 7. С.67

КУБЛАНОВСКИЙ Ю. В АЛОМ, ГОТОВОМ ОСЫПАТЬСЯ ВСКРОСТИ...

1

В алом, готовом осыпаться вскорости
с веток на влажную жесьь,
что-то от энной безрадостной повести
честного Чехова есть.
Ибо и впрямь затяжную вчерашнюю
непогодь, сидя без свеч
в тесном именице, хочется, кашлянув,
Ниней Заречной наречь.
Там на пространствах с ненадолго вкрапленным
в волглую толщу огнем
ты прикоснулась холодным расслабленным
ртом к моему под дождем.
В те же минуты на сотни бесхозные,
вырвавшись из-под колес,
от полустанка свистки паровозные
ревностно ветер принес...

2

В те палисадники к георгинам
в каплях дождя — вернусь
в пику уже улетающим клином
днесь журавлям... Мисюсь,
где ты? И, не дожидаясь ответа,
снова: Мисюсь,
где ты?
И тишиной обожгусь.
...Волглая изморозь светится на
дугах шиповника,
словно в тумане поставлена
верша садовника.
И подвывает лишь тишина
ржавым петлям дверным.
О, невидимка! Русским славна
гонором жертвенным.

3

Чайка кричит в молоке непогоды,
словно у ней
роды,
около тусклых огней
славного ялтинского променада
с барской ротондою той,
где нас волной обдавало когда-то
раньше раскидистой.
Или прощальные хрипы
в чеховских легких — к мадам
Книппер
вновь адресуются там?
Помнишь,

бесшумно махина
с пирса снималась при нас
и стебелек стеарина
в храме приморском погас...

ЛАДЫЖЕНСКИЙ ВЛ. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА **(+ 2 июля 1904 г.)**

...Свой грустный смех над пошлостью земной,
Глубокую печаль о счастии и воле,
О жизни, блещущей бессмертной красотой,
С собою ты унес, — и не придешь к нам боле.
Ты между нас мелькнул среди низменных забот
Загадочно в ночи мерцавшею зарницей,
И свет ее угас, и больше не блеснет,
Ты не взволнуешь нас могучею страницей...
Порой мне кажется, с тобой я говорю,
И вижу перед собой задумчивые очи,
И рассказать спешу про светлую зарю,
Что к родине идет на смену долгой ночи.
И ты, — ты тоже ждал. Волнуясь и спеша,
Высказывал ты нам заветные желанья,
И жизнь тебе вдали казалась хороша —
Без рабства, нищеты, без гнета и страданья!
И кажется, звучит, как прежде, речь твоя,
Усмешка кроткая исполнена сомненья,
И слушая тебя, невольно чую я
И мысль глубокую, и трепет вдохновенья,
Но это призрак только: нет его...
И больно сознавать, что лучших из сынов
У родины, как клад, спешит украсть могила...
Ушел от нас поэт, исполнен вещей снов,
Любовь, талант и ум, — все смерть заворожила.

Мир Божий. 1905. № 7. С. 1

ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ЭЛЕГИЯ

Тихо. Сумерки. Бабье лето.
Четкий,
частый,
щемящий звук —
будто дерево рубят где-то.
Я засыпаю под этот звук.
Сон происходит в минувшем веке.
Звук этот слышится век назад.
Ходят веселые дровосеки,
рубят,
рубят
вишневый сад.
У них особенные на то виды.
Им смешны витающие в облаках.
Они аккуратны.
Они деловиты.
У них подковки на сапогах.

Они идут, приминая травы.
Они топорами облечены.

Я знаю —
они, дровосеки, правы,
эти деревья обречены.
Но птица вскрикнула,
ветка хрустнула,
и в медленном угасании дня
что-то вдруг старомодно грустное,
как дождь, пронизывает меня.
Ну, полно, мне-то что быть в обиде!
Я посторонний. Я ни при чем.
Рубите вишневый сад!
Рубите!
Он исторически обречен.
Вздор — сантименты! Они тут лишни.
А ну, еще разик! Еще разок!
...И снова снятся мне
вишни, вишни,
красный-красный вишневый сок.

ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ИРОНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Мне нравится иронический человек.
И взгляд его, иронический, из-под век.
И черточка эта тоненькая у рта —
иронии отличительная черта.
Мне нравится иронический человек.
Он, в сущности, — героический человек.
Мне нравится иронический его взгляд
на вещи, которые вас, извините, злят.
И можно себе представить его в пенсне,
листающим послезавтрашний календарь.
И можно себе представить в его письме
какое-нибудь старинное — мил сударь.

Но зря, если он представится вам шутком.
Ирония — она служит ему щитом.
И можно себе представить, как этот щит
шатается под ударами и трещит.
И все-таки
сквозь трагический этот век
проходит он, иронический человек.
И можно себе представить его с мечом,
качающимся над слабым его плечом.
Но дело не в том — как меч у него остер,
а в том — как идет с улыбкою на костер
и как перед этим он произносит:— Да,
горячий денек — не правда ли, господа!
Когда же свеча последняя догорит,
а пламень небес едва еще лиловат,
смущенно — я умираю — он говорит,
как будто бы извиняется, — виноват.
И можно себе представить смиренный лик,
и можно себе представить огромный рост,

но он уходит, так же прост и велик,
как был за миг перед этим велик и прост.
И он уходит — некого, мол, корить, —
как будто ушел из комнаты покурить,
на улицу вышел воздухом подышать
и просит не затрудняться, не провожать.

ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ЯЛТИНСКИЙ ДОМИК

Вежливый доктор в старинном пенсне и с бородкой.
вежливый доктор с улыбкой застенчиво-кроткой,
как мне ни странно и как ни печально, увы,
старый мой доктор, я старше сегодня, чем вы.

Годы проходят, и, как говорится, - сик транзит
глория мунди, - и все-таки это нас дразнят.
Годы куда-то уносятся, чайки летят.
Ружья на стенах висят, да стрелять не хотят.

Грустная желтая лампа в окне мезонина.
Чай на веранде, вечерних теней мешанина.
Белые бабочки вьются над желтым огнем
Дом заколочен, и все позабыли о нем

Дом заколочен, и нас в этом доме забыли.
Мы еще будем когда-то, но мы уже были.
Письма на полке пылятся - забыли прочесть,
Мы уже были когда-то, но мы еще есть.

Пахнет грозою, в погоде видна перемена.
Это ружье еще выстрелит - о, непременно!
Съедутся гости, покинутый дом оживет,
Маятник медный качнется, струна запоет.

Дышит в саду запустелом ночная прохлада.
Мы старомодны, как запах вишневою сада.
Нет ни гостей, ни хозяев, покинутый дом.
Мы уже были, но мы еще будем потом.

Старые ружья на выцветших, старых обоях.
Двое идут по аллее - мне жаль их обоих.
Тихий, спросонья, гудок парохода в порту.
Зелень крыжовника, вкус кисловатый во рту.

ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. ШАМПАНСКИМ НАПОЛНЕН БОКАЛ...

Шампанским наполнен бокал.
Июльская ночь на ущербе.
Прощай, Баденвейлер, ich sterbe!
И допит последний глоток.

Немецкий уснул городок.
Подумай, какая досада!

Лишь ветки вишневого сада
белеют в июльской ночи.

Колеблется пламя свечи.
Актриса известная плачет.
Не знаю, зачем она прячет
последние слезы свои.
К чему здесь сейчас соловьи!
Последние слезы горючи.
Шиповника стебли колючи.
Крыжовника иглы остры.

И будут рыдать три сестры
И многие сестры иные.
Немногие братья родные
и множество братьев иных.

...Немецкий уснул городок.
Но он уже скоро проснется.
Его это тоже коснется,
но только потом, и не так.

Зачем эти розы цветут?
Как все в этом мире похоже.
И на Новодевичьем тоже
такие же розы, как тут.

Я тоже уеду туда,
к тем розам, к березе и к вербе.
Ich sterbe, ich sterbe, ich sterbe –
и это уже навсегда.

ЛИСЯНСКИЙ М. ДОМ ЧЕХОВА

Любой прохожий вам покажет
Тот белый дом у синих вод.
Дощечка медная расскажет
О том, что Чехов здесь живет.

Капель срывается с карнизов,
Звенит за окнами весна.
Меж двух зеленых кипарисов
Даль черноморская видна.

Пронизан дом теплом и светом,
Вещей ненужных в доме нет.
Стол, книжный шкаф, диван — все это
И составляет кабинет.

Вот левитановской рукою
Давно написанный этюд.
Жила березка над Окою,
Теперь живет березка тут.

Рахманинов играл здесь Грига,
Шляпин пел друзьям не раз...

Вот недочитанная книга,
Вот недописанный рассказ.

Седое море пенной чашей
Кипит в порыве молодом,
И музыкою отзвучавшей
Наполнен этот милый дом.

По узенькому переулку,
Еще вчера наметив путь,
Ушел он к морю на прогулку
И задержался где-нибудь.

Лисянский М. Избранные произведения в 2 т. Т.1. М. 1983. С.103

ЛОЛО (Л. Г. МУНШТЕЙН) ПРОЧЕЛ Я ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»...

Прочел я Чехова "Три года",
И боборыкина "Ходок"...
Пусть Чехов пишет больше строк,
А Боборыкин... От извода
Бумаги, перьев и чернил
Его сдержать не хватит сил.
Пусть Чехов скуп, зато он мил:
Все у него так просто, ясно,
И в тоже время так прекрасно...
Растет, растет его успех.
Но Чехов милых "Пестрых писем"
Был как-то больше независим,
И веселей звучал для всех
Его здоровый, бодрый смех

Чеховиана. Чехов и его окружение. М. 1996. С.125

ЛОЛО (Л. Г. МУНШТЕЙН) СТРАНИЧКА ИЗ ПИСЬМА CDIV (...)

На юг мечтательно уехав,
Оттуда наш милейший Чехов
(Мой неизменный фаворит)
Свои шедевры нам дарит.
Но не пленительной природе
Страны, "где зреет апельсин",
Не в итальянском небосводе
Берет он краски для картин...
В его рассказе "На подводе"
Рисует южный карандаш
Родную глушь, родной пейзаж,
Непроходимые дороги
И безысходную печаль;
Не грез волшебные чертоги,
Не в восхитительную даль. –
Они его душе далеки,
И наша русская тоска
Ему понятна и близка.
И тихой грустью дышат строки

Его рассказа. Прежний смех,
Создавший Чехову успех.
Веселья струны отзвучали;
Но он мне мил в своей печали,
Мне дорог этот скорбный тон –
Больной души чуть слышный стон...

Чеховиана. Чехов и его окружение. М. 1996. С.136-137

LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) ЧЕХОВУ

*Тише! о жизни покончен
вопрос:
Больше не надо ни песен,
ни слез...*

С улыбкой кроткой и печальной
Ты навсегда ушел от нас...
И свет души многострадальной,
Как тихий вздох любви, погас ...
Пусть плачет месяц серебристый,
Пусть потемнеет сталь реки,
Пускай вишневый сад душистый
Прольет слезу немой тоски...
Пусть горько плачет вся природа
Над тем, кто ей умел внимать,
Кто обожал ее, как мать ...
А мы?.. Великая невзгода —
Смерть наших дум и вешних грез —
Сильней печали, горше слез!..
Прощай!.. Из мира зла и прозы
Твоя душа умчалась в даль ...
Что ей земные наши слезы
И наша поздняя печаль!..
В груди мучительная злоба
И гнев бессильный на судьбу! —
Не плакать я хочу у гроба,
Хочу роптать, что ты в гробу!..

Чеховский юбилейный сборник стихотворений. Одесса. 1915. С.12

LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) 17 ЯНВАРЯ 1910 г.

Сегодня хочется поплакать
Над милым Чеховым... Вокруг,
В сердцах, в умах - седая слякоть...
Ты знал ее, угасший друг, -
Ты вскормлен был убогой эрой,
Своих героев ты встречал
Во мгле действительности серой,
Во тьме «незыблемых начал»...
На миг проснулись мы в надежде
На яркий радостный рассвет...
Но миг прошел - надежды нет.
Родная слякоть прошлых лет
Над нами властвует, как прежде...
«Вишневый сад» заглох, поблек,

У «Чайки» - сломанные крылья,
И «Дядя Ваня» одинок,
И «Три сестры», в тоске бессилья,
Уж не мечтают о Москве,
Как о далеком божеств..

Чеховский юбилейный сборник. М. 1910. С.24

LOLO (Л. Г. МУНШТЕЙН) У МОГИЛЫ ЧЕХОВА

...Ползли года чредою черной
Над безутешною страной...
Бесправный, все еще покорный,
Стонал под игом край родной...
Но в этом сонмище страданий,
Безумных воплей и рыданий
Была одна слеза: она
Из тихой грусти соткана,
Но обладает вечной силой, -
Слеза над чеховской могилой...
Я помню ясно три строки
Короткой первой телеграммы,
Пролившей в душу яд тоски,
Открывшей правду страшной драмы...
Из них узнал я в первый раз
О том, что он ушел от нас,
Ушел прекрасный, скорбный, чистый...
Что этот милый взгляд лучистый
Навек померкнул и погас...
Угас талант большой, могучий,
Закрылось солнце грозной тучей,
Осиротело все вокруг, -
Ушел родной, любимый друг...
И думал я с печалью жгучей,
Что на земном его пути
Едва лишь начала цвести
Улыбка счастья... что с тревогой,
С тоской непонятой души,
Он шел тернистою дорогой
И слышал шепот смерти строгой:
«Я жду тебя! Спешите! Спешите!»

Прошло три месяца... «Иванов»
Шел в первый раз у «москвичей».
Толпа зоилов и профанов,
Беспечный шум пустых речей...
С тревожной поступью несмелой,
С печальной думой о тебе
Шепча проклятия судьбе
Входил я в храм осиротелый,
Где мы тебя в последний раз
Цветами, лаврами венчали,
Ловили взгляд чудесных глаз,
Улыбку, полную печали,
Святую кротость мудреца,

Который видел зорким оком
За этим праздничным потоком
Мрак недалекого конца...
«Вишневый сад» поблек... Седая,
Глухая осень!.. Где цветы?
Где эта зелень молодая,
Где эти вешние мечты?
Какой они разбиты силой?
Где ты, где ты, наш Чехов милый?
«Наш Чехов милый"... Этот звук
Теперь обвеян скорбной тенью,
Ручьями слез, могильной сенью,
Волной тоски и тяжких мук!..

Его любили мы, как друга,
С которым нас связала нить
И грез и вечного недуга,
С которым можно говорить
Полунамеком, полусловом,
С которым, в сумраке суровом
Тоскливых будней, так легко
Мечтать о чем-то светлом, новом,
Что скрыто где-то далеко,
Куда наш путь тернист и длинен –
Но «через двести - триста лет»,
Как уверяет нас Вершинин,
Исчезнет тьма, и будет свет!
Студент Трофимов верит свято
В работу будущих годин:
Былое сгинет без возврата, -
Разумный труд, лишь он один
Даст людям счастье... Новь объята
Надеждой, верой... Старина
Кончает дни, озарена
Лучом печального заката...
Но в этой «доброй старине»,
Среди оставшихся развалин
Былых веков, как в старом сне,
Есть что-то жалкое... Печален
И неразумен прежний быт,
Который брошен и забыт...
Но вот в гнезде заветном, старом
Раздался первый грозный стук,
Стук топора... И этот звук
Смертельным кажется ударом
Для разоренного гнезда,
Где жизнь всегда была чужда
Животворящего труда...
Следов былого нет уж боле
Слуга, последний могикан,
Из тех фанатиков-крестьян,
Что испугались светлой воли,
Забыт в усадьбе... старый крот
В пыли минувшего умрет.
О, нам жалеть его не надо,
Как и помещицкого сада,

Как старины... Но, ах! мораль
Слабее чувства - и печаль
Вливает в душу каплю яда...
И почему-то всех нам жаль.
Таков уж Чехов... Нежно, кротко
Похоронил он старину, -
И ворвалась в его «весну»
Меланхолическая нотка...
Ты навсегда ушел от нас
С улыбкой кроткой и печальной,
И свет души многострадальной,
Как тихий вздох любви, погас...
И плакал месяц серебристый,
И потемнела даль реки...
И сад вишневый, сад душистый
Заглох под гнетом злой тоски...
Ушел! Из мира лжи и прозы
Твоя душа умчалась вдаль...
Что ей земные наши слезы
И наша поздняя печаль!..

Чеховский юбилейный сборник. М. 1910. С.26-29

ЛУКЪЯНОВ А. А.П. ЧЕХОВУ

Образ светлый, образ милый
Не могли смести года...
Над безвременной могилой
Светит вечная звезда!

А вокруг потоком мутным
Жизнь кипучая течет
И творения минутным
Призрак славы создает.

Но едва блеснула слава -
Как упал ее венец
И забвения отравы
Проникает в глубь сердец.

Что года и смерти ложе -
Жизнь твоя горит звездой! -
И все ближе, все дороже
Нам прекрасный образ твой!

Чеховский юбилейный сборник. М.. 1910. С.11

ЛУКЪЯНОВ А. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА

Последний вздох - аккорд печальный
Его души многострадальной
И угнетающий конец...
Недолго был он весел в жизни:
Ему любовь к родной отчизне
Дала страдальчески венец!

Он задышался в жизни серой,
Но с грустно-радостною верой
Далекий свет боготворил...
И часто, скорбью утомленный,
О жизни светлой, обновленной
В последних грезах говорил.

Но сам он знал, что до рассвета
Не доживет душа поэта,
Как в тихом сумраке звезда...
И весть пришла с чужбины дальней:
В его душе многострадальной
Замолкли струны навсегда!

Он умирал в предутреннем тумане,
Когда зарей едва блеснула даль, -
Отозвалась в его глубокой ране
В последний миг последняя печаль.
Рисуя жизнь далекую прекрасной,
Он утешал, когда стояла ночь, -
Но пронеслось дыханье бури властной,
И он замолк, не в силах нам помочь.

Как он скорбел, что к жизни идеальной
Дороги нет без крови и могил –
И он не мог отдать стране печальной
Последних сил!

Чеховский юбилейный сборник. М. 1910. С.23-24

МЕЧ Р. ПУТЬ ЧЕХОВА

... Он вышел в «сумерки». Пред ним,
Вдали, за небом голубым,
Сверкали робкие зарницы.
И стал читать умом живым
Он русской повести страницы.
Хороший, бодрый, молодой,
В душе его жил смех сначала,
Его жизнь бережно качала,
Как челн над светлою водой,
И сердца грусть не омрачала.
У жизни врат он встал с пером,
И с доброй, ласковой улыбкой
Он заносить стал в своей «Альбом»
Штрихи и тени жизни зыбкой.
То был весенний, юный звон!
Как золотой рейнвейн в бокале,
В нем искры юмора сверкали,
И жизни гнет и сердца стон
Над «Чехонте» мы забывали...
И с обаятельных страниц
К нам смех слетал неумоимо:
Пора веселых, бодрых лиц,
«Хамелеона» и «Налима»!

Но годы шли. Поэта взгляд
Стал зорче видеть «Тину» жизни,
Ум отравил сомнений яд,
И увидал он жизнь в отчизне,
Увы, совсем уж не такой,
И сердце сжалось в нем тоской!
Он вдруг прозрел, и тяжесть ноши
Он отгадал, что давит всех, —
И беззаботный смех „Антоши“
Сменил Антона грустный смех...
Поблекли краски жизни прошлой,
Пробрался в душу смутный „Страх“,
И, среди действительности пошлой,
Стал „Черный“ грезиться „монах“.
И жаль людей безумно стало!
Как „Чайка“ в чаще камыша,
Его душа затрепетала, —
Святая, кроткая душа!
О светлом будущем вздыхая,
„Людей“ он „хмурых“ стал певцом,
И, как змея, болезнь лихая
Уж обвила его кольцом.
Его уж слава осеняет,
И фимиам ему кадят,
Но грустный близится закат,
Но все грустней лучистый взгляд:
То — „Скрипка Ротшильда“ рыдает,
То листья желтые роняет,
Чтоб умереть, „Вишневый сад“!..
Он, умирающий, чужбиной
В объятья принят. Поздно! Свет
Погас, и с „Песней лебединой“
Ушел художник и поэт!..
Прах дорогой Москва встречала,
Молитвы тихие творя,
И „Панихида“ прозвучала
У старых стен монастыря.
Прошел он „Степью“ русской жизни,
Вперяя взор в ее „Огни“,
И вечным сном заснул в отчизне:
Его сегодня помяни!
Приди на тихое кладбище,
Где молча высятся кресты,
Его последнее жилище
Найди, над ним забудься ты
И погрузись в его „Мечты“...
Потом, сквозь вечный шум столицы,
Могиле вымолвив: „прости!“,
Ты поспеши домой уйти,
И погрузись в его страницы,
И память тем его почти!
И с новой болью, с новой силой,
Поникнув в скорби головой,
Вздыхни над раннею могилой,
Над этой смертью роковой!
Склонись пред памятью поэта,
Чью жизнь скосил недуга яд,

И песня чья так рано спета:
Когда б он жил еще для света, -
Ему бы было пятьдесят!..

Чеховский юбилейный сборник. М. 1910. С.15-17

МИКУШЕВИЧ В. ЧЕХОВ В ЯЛТЕ

Художник умирал и знал, что умирает.
Избрав для этого туман бесснежных зим,
Не позволяющих пренебрегать мирами,
Которыми был мир тогдашний одержим.

Для несказанного пренебрегая словом,
Он, гений паузы, других не зная уз,
Привычно различал в сиянии лиловом
Неуловимые черты знакомых муз.

Он принимал от них бесценные подарки,
Неловко делал вид, что сам он вне игры,
И, зная в глубине души, что музы - парки,
Богинь судьбы назвал он просто "три сестры".

Шут пронизательный воскликнул бы: Умора!
На сцене корифей, и он - увы! - один...
За неимением трагического хора
Остался вздох: В Москву! В Москву! Dahin! Dahin!

А почему не взять обратного билета
В Москву, где пляшет снег и падает в рукав?
Но даже в холода не замерзает Лета,
И нет через нее в пространстве переправ.

Где каждый холм в лазурь взвивается спиралью,
Где зелень вечная - на солнце жалюзи,
Отгородился он многоэтажной далью
От современников, толпящихся вблизи.

В растроганной толпе художник-недотрога
Застенчиво таил под сердцем уголек.
Скрывая тщательно: тот, кто далек от Бога,
От ненавидящих и любящих далек.

Двадцатый век его заранее измаял,
Украдкой в легкие вселив туберкулез.
46

Он берег отыскал и сам, как берег, таял,
И Ялта таяла от ливней и от слез.

Он видел издали: нет, небо не в алмазах;
Смерть будет в воздухе жужжать, как майский хрущ;
Но в истребителях и в ядовитых газах
Бог приближается, далек и вездесущ.

МИХАЙЛОВ И. ЧЕХОВ В ТАГАНРОГЕ

И вновь он видит чуть осевший
 в кустах сирени ветхий дом
 и с детских лет осточертевший
 пейзаж, что донельзя знаком:
 мальчишек буйная ватага,
 что на крапиву шла в атаку,
 и тут же свинтус неперменный,
 что, гостя вовсе не стыдясь,
 с похрюкиванием блаженным
 все глубже зарывался в грязь.
 А вот, зевая во весь рот,
 стоит соседка у ворот.
 Грузна, бесформенна сложеньем,
 с глазами-щелками, она
 лишь вертикальным положеньем
 от той свиньи отличена.
 А над трубой ленивый дым
 висит почти что недвижим.
 И кажется: шумлив, беспечен -
 сквозь жизнь, как сквозь кусты вон те,
 шагает сам себе навстречу
 шутник Антоша Чехонте.

Глухой забор, замок, засов,
 взбешенный лай лохматых псов...
 В домишках тусклый блеск икон.
 И ночью - сон, и в полдень - сон.
 Вам чудится: уж лет с полста,
 хозяев придушив украдкой,
 здесь Духота и Теснота
 живут в божнице за лампадкой,
 и маятник один живой
 качает скорбно головой.
 И только утром в день воскресный
 дом неожиданно воскреснет:
 в нем пьют и кушают исправно
 и поп, и купчик, и исправник.

... Спешат здесь окна занавесить,
 лишь серп луны на небо лег,
 и город вымирает в десять,
 как бы ударом свален с ног.
 Он спит, отгородясь забором,
 задвинув ставнями окно.
 Еще не скоро, ох не скоро
 ему проснуться суждено!
 И все же будет, будет время -
 ворвется утро в царство сна,
 разбудит тишь, разгонит темень,
 неотвратимо, как весна...
 .. Не для того ль, чтоб этот миг
 Приблизив, ждать не слишком долго,
 в библиотеку втихомолку

он вновь отправил ящик книг?

3

Здесь добродетелью повальной,
как тифом, девушки больны
и видят, запираясь в спальней,
высоконравственные сны.
Здесь верят до сих пор упорно,
кляня порок на всех углах,
что лишь кутилам не зазорно
раскатывать на лихачах.
И он, из чувства ли протеста,
иль просто скачкой грусть леча,
взял на Петровской лихача...
В какое ж он поедет место?
Что ж, в Карантин так в Карантин!
Кто не подвластен цепкой силе
былого?

... Он бредет один,
Где некогда вдвоем бродили...

Ветвились шустрые дорожки.
Сто запахов соединив,
весь в мальвах, в таволге, в горошке
пестрел, сбегая вниз, обрыв.
И, уцепившись за него,
заглядывали в море дачи...
Все было так же. Оттого
еще грустней, что все иначе.
Здесь арка знаменует вход
в страну мальчишеских невзгод,
а тополь выглядит как дата
того, что не сбылось когда-то.
Как будто вновь, утра светлее,
решительно сказавши «Нет»,
она уходит по аллее,
и он ей долго смотрит вслед.
Ни у обрыва, ни у дачи
не выпытать хоть час судачь,
с чего былые неудачи
с годами памятной удач...

...Сгорев, стал пепельным закат.
Смеркалось. Ветер шевельнулся.
И сразу вздрогнул, встrepенулся,
залепетал спросонья сад.
О берег бережно плескаясь,
волна торопится к волне...
И на обрыве, как во сне,
стоит, бывшему улыбаясь
сутулый человек в пенсне...

Таганрогский вестник. 1994. 20 августа. С.5

НАРБУТ В. ЧЕХОВ

А Ялта, а Ялта ночью:
Зажженная елка,
Неприбранная шкатулка,
Эмалевый приз!..
Побудьте со мной,
Упрямый мальчишка —
Креолка:
По линиям звезд гадает
О нас кипарис.
Он Чехова помнит.
В срубленной наголо бурке
Обхаживает е г о особняк —
На столбах.
Чуть к ордену ленту
(...Спектром...),
Запустят в окурки
Азот, водород, —
Клевать начинает колпак.
Ланцетом наносят оспу москиты
В предплечье,
Чтоб, яд отряхая,
Высыпал просом нарзан,
В то время
Как птица колоратурой овечьей
(...Сопрано...)
(Кулик?)
— Усните! —
По нашим глазам...
Побудьте со мной,
Явившаяся на раскопки
Затерянных вилл,
Ворот,
Городищ
И сердец:
Не варвары — мы,
Тем более мы в гороскопе,
Сквозь щель,
Обнаружим
Темной Тавриды багрец.
...Горел кипарис в горах.
Кипарисово пламя,
Кося,
Залупил свистящий белок жеребца.
Когда,
Сторонясь погони,
Повисла над Вами
С раздвоенною губой человекоовца.
В спектральном аду
Старуха служанка кричала,
Сверкала горгоной, билась:
— На помощь! На по... —
Не я ли тут, Ялта
(Стража у свай, у причала),
К моей госпоже — стремглав
(...В тартарары...)

Тропой!
Оружие! Полночь...
Обморок, бледный и гулкий, —
И Ваша улыбка...
Где он, овечий храбрец?
Алмазы, рубины
В грохнувшей наземь шкатулке,
Копытами въехав,
Раненый рыл жеребец...
Вы склонны не верить, —
Выдумка! —
Мой археолог,
Что был гороскоп:
Тавриде и варварам — смерть...
А Крым? Кипарис?
А звезды? А клятва креолки,
Грозящей в конце
Пучком фиолетовых черт?
Среди ювелиров, знаю,
Не буду и сотым,
Но первым согну хребет:
К просяному зерну.
Здесь каждый булыжник пахнет
Смолой, креозотом:
Е г о особняк, пойдете,
И я озирну.
Кидается с лаем в ноги
И ластится цуцка.
Столбы, телескоп.
И нет никого, ни души.
Лишь небо в алмазах
(...Компас...)
Над нашей Аутской:

Корабль, за стеклом —
Чернильница, карандаши...
Не та это, нет
(Что с дерева щелкает), шишка:
К зиме отвердеет,
Елочным став, колобок.
Другую и Вы,
Креолка, опасный мальчишка,
В страницы уткнетесь:
С вымыслом жить бок о бок.
Когда ж в перегаре
Фраунгоферовых линий
(Сквозь щель меж хрящами)
Тонко залъется двойник, —
Вы самой приятной,
Умной,
Е г о героиней
Проникните в сердце:
Лирик к поэту проник.
Зима. Маскарад.
И в цирке, копытами въехав
В эстраду,
Кивает женским эспри буцефал...

Алмазная точка,
Ус недокрученный:
Чехов...
Над Ялтой один
(...Как памятник...)
Заночевал!
Зимой и в трамвае
Обледенеет креолка:
Домой, —
Не довольно ль ветреных, радужных клятв?..
По компасу вводит
Нас —
В тридешатое! —
Елка:
Светло от морщин,
И в зеркале —
Докторский взгляд...

НОВИКОВ И. ЗА ЧТЕНИЕМ ЧЕХОВА

Совсем забыл, что книга пред тобою,
Что это в ней сияние зарниц,
И чьей-то жизнью — близкою, родною —
Повеет вдруг с развернутых страниц...
Здесь и вчера, и то, что будет завтра,
Весь человек — и сложный и простой,
А меж героев и художник-автор —
Он сам встает перед тобой живой.
Горит закат в извилах малой речки,
Склонясь к воде, купает ветви лес,
Глядит на Русь наш Чехов на крылечке —
Тишайшее из мировых чудес.

Новиков И. А. Собрание сочинений в 4 т. Т.4. М. 1967. С.225

НОВИКОВ И. СЛОВА И ЗВУКИ

Одеды музыкой слова?
Иль в слове музыка сокрыта?
Опять «из Чехова глава»
Слезами девушек полита...

И рядом музыка звучит,
Рахманинов поет про то же,
А слушатель сидит, молчит
И дышит все нежней в строже.

Что это — радость иль печаль?
Душа не знает раздвоенья,
Сливая вместе близь и даль
В струе единого волненья.

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана...
М. Лермонтов*

Утес и тучка... Вечный стих!
Всего две лермонтовских строчки,
Но вздох поэта не затих
В нетлеющей их оболочке.

Сердце ответный слышим стук.
И, правдой красоты томимы,
Мы знаем: и слова и звук —
В живой душе неразделимы.

Новиков И. А. Собрание сочинений в 4 т. Т.4. М. 1967. С.305

НОВИКОВ И. «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»

Дом с мезонином. Парк. Две девушки-сестры.
Люблю ли я? Люблю. И вот рука невольно
Палитру ищет, кисть. И чувства вновь остры,
И молод снова я: мне радостно и больно.

И с мезонином дом — как он уныл и пуст!
Она уехала, чужой покорна власти...
Прохлада осени. И облетает куст,
Зацветший поздно так под дуновеньем страсти.

И все же не хотят опасть мои мечты,
И много лет спустя шепчу: «Мисюсь, где ты?»

Новиков И. А. Собрание сочинений в 4 т. Т.4. М. 1967. С.415

НОВИКОВ И. ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА

Истопленные печи холодны.
Ни экскурсантов, ни экскурсоводов.
И полон дом воскресной тишины -
Она ему желанна, как свобода.

Ведь все-таки - три миллиона лиц,
Шесть миллионов ног - не так уж мало.
Звучит скрипучий говор половиц
Из года в год все более устало.

Не слышит, впрочем, этого никто.
Сюда, со всех концов земли приехав,
Хотят увидеть шляпу и пальто,
Узнать, где спал
И как обедал Чехов.

И замечают, оглядев весь дом,
Кровать и стол, и в кабинете нишу,
Что чудно сохранилось все кругом,
И кажется: хозяин только вышел...

Ах, нет, увы! Он вышел так давно,
Что не припомнят даже старожилы,

И это разноцветное окно
С тех пор десятки зим запорошили.

Ну, хорошо, увидели вы шкаф,
Тарелки показали - дальше что же?
Я понимаю: проще измерять
Бессмертие количеством салфеток,

И мерить славу тиражами книг,
Числом изданий, отзывов и критик,
В театр не сходить на "Трех сестер",
Рассказов не прочесть, зато увидеть

Массивный стол, служивший основаньем
Локтям писателя. На нем - перо,
Скользившее когда-то по бумаге,
И с Чеховым тем самым породниться!

Ах, нет, увы. Он вышел так давно,
Что не припомнят даже старожилы...
А дом - он что ж, вместилище теней.
Пустующая раковина. Панцирь,
Что выдержал и войны, и разрухи,
Годины смуты и землетрясение.

Он без хозяина - как тело без души,
Как печка без огня, как жизнь без цели.

Чернильница пуста. Карандаши
Давно не пишут. Осень дует в щели.

ОКУДЖАВА Б. АНТОН ПАЛЫЧ ЧЕХОВ ОДНАЖДЫ ЗАМЕТИЛ

Антон Палыч Чехов однажды заметил,
что умный любит учиться, а дурак - учить.
Сколько дураков в своей жизни я встретил -
мне давно пора уже орден получить.

Дураки обожают собираться в стаю.
Впереди их главный во всей красе.
В детстве я верил, что однажды встану,
а дураков нету - улетели все.

Ах, детские сны мои - какая ошибка,
в каких облаках я по глупости витал.
У природы на устах коварная улыбка...
Видимо, чего-то я не рассчитал.

А умный в одиночестве гуляет кругами,
он ценит одиночество превыше всего.
И его так просто взять голыми руками,
скоро их повыловят всех до одного.

Когда ж их всех повыловят - наступит эпоха,
которую не выдумать и не описать...
С умным - хлопотно, с дураком - плохо.

Нужно что-то среднее. Да где ж его взять?

Дураком быть выгодно, да очень не хочется,
умным - очень хочется, да кончится битьем...
У природы на устах коварные пророчества.
Но, может быть, когда-нибудь к среднему придем.

ПЛЕВАКО С.Ф. ПАМЯТИ А.П. ЧЕХОВА

Вишни облетели... Серебристым цветом
Не сверкают в солнце пышные кусты,
И не манят взора ласковым приветом,
И не будят в сердце радостной мечты.

Вишни облетели... Нет весенней сказки,
Над ручьем не слышны трели соловьев,
В воздухе не веет негой первой ласки,
Чистой красотой безмятежных снов.

Вишни облетели - и в дали кристальной
Чудится мне призрак осени седой,
Осени холодной, жуткой и печальной,
С долгими ночами, скорбью и тоской.

И не верит сердце, что весна увяла,
Что прошли бесследно дни волшебных грез:
Этих грез так жадно мысль моя искала, -
Налетела буря - ветер их унес.

Вишни облетели... С шорохом, уныло
Падают на землю белые цветы...
И под каждой вишней - скорбная могила,
И в могиле каждой - грезы и мечты.

Облетели вишни - и с последним стоном
Облетавших вишен умер их поэт.
На его могиле, на холме зеленом
Обронили вишни свой последний цвет.

И стоит могила, убрана, как в грезах,
Белоснежным флером мертвых лепестков,
И роса сверкает, как сверкают слезы
Над безмолвным гробом наших лучших снов.

Чеховский юбилейный сборник. М. 1910. С.20-21

ПЛЕЩЕЕВ А. АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ

Цветущий мирный уголок,
Где отдыхал я от тревог
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь в нее опять,

Судьбы велениям послушный.
Отрадно будет мне мечтой
Перенестись сюда порой,—
Перенестись к семье радушной,
Где теплый дружеский привет
Нежданно встретил я, где нет
Ни светской чопорности скучной,
Ни карт, ни пошлой болтовни,
С пустою жизнью неразлучной;
Но где в трудах проходят дни
И чистый бескорыстный труд
На благо края своего
Ценить умеет темный люд,
Платя любовью за него...
Не раз мечта перенесет
Меня в уютный домик тот,
Где вечером, под звук рояли,
В душе усталой оживали
Волненья давних, прошлых дней,
Весны умчавшейся моей,
Ее восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привет,
Которым был я здесь согрет!
Спасибо вам! И если снова
Не встречу с вами в жизни я,
То помяните добрым словом
В беседе дружеской меня.

Плещеев А.Н. Стихотворения. М. 1975. С.2990-300

ПОЛОНСКИЙ Я. У ДВЕРИ **Посвящается А. П. Чехову**

Однажды в ночь осеннюю,
Пройдя пустынный двор,
Я на крутую лестницу
Вскарабкался, как вор.

Там дверь одну заветную
Впотьмах нащупал я
И постучался. — Милая!
Не бойся... это я...

И мгла в окно разбитое
Сползала на чердак,
И смрад стоял на лестнице,
И шевелился мрак.

Вот-вот она откликнется,
И бледная рука
Меня обнимет трепетно
При свете ночника.

По-прежнему на грудь ко мне

Склонясь, она вздохнет,
И страстный голосок ее
Порвется и замрет...

Она — мой друг единственный,
Она — мой идеал!
И снова в дверь дощатую
Я тихо постучал.

— Прости меня, прости меня,
Я дрогну, ангел мой!
Измучен я, истерзан я
Сомнением и тоской.

И долго я стучался к ней —
Стучался, звал, и — вдруг
За дверью подозрительный
Почудился мне стук.

Я дрогнул, и весь замер я,
Дыханье затая...
— Так вот ты как, — изменница!
Лукавая змея!

Вдвоем ты... но... безумец я!
Очнуться мне пора...
Здесь буду ждать соперника
До позднего утра.

Все, все, чему так верил я, —
Ничтожество и ложь!
Улика будет явная —
Меня не проведешь...

Но притаив дыхание,
Как сыщик у дверей,
Я не слышал ни шороха,
Ни скрипа, ни речей...

— О гнусность подозрения!
Искупит ли вину
Отрадная уверенность
Застать ее одну.

И, сердцем успокоенный,
Я понял, что она
Моим же поведением
Была оскорблена.

Недаром в час свидания
У лестницы, внизу,
Подметил я в глазах ее
Обидную слезу.

Не я ль — гордец бесчувственный! —
Сознался ей, как трус,

Что я стыжусь любви моей,
Что бедности стыжусь...

РОМАНОВ В. ЛАВКА ЧЕХОВЫХ

Я стою у прилавка
И не нужен мне гид.
Это Чехова лавка.
Вон Антоша сидит.
В лавке пахнет селедкой.
Хмур у мальчика взгляд.
Пахнет мылом и водкой.
И иконы смердят.
И Антоша зеваает.
Он не в силах терпеть.
А отец заставляет
По ночам псалмы петь.
Солнце, море, деревья
Там, за этой стеной.
Там, за кованой дверью –
Ходи воздух степной.

Таганрогская правда. 1979. 15 сентября. С.3

РОСТОВЦЕВА И. ЧЕХОВ

Ночной или дневной, он звался человек,
Холодный, тёплый; врач или больной,
Неважно более; всё тот же крупный
снег
Валится влево и ленивою волной
Сейчас накроет крыши и прохожих...
Он создал мир, где миг и сердце схожи.

В Москве — зима, как сотни лет назад.
Две утки в Яузе с захламленной водой
Торчат, покуда не устанет взгляд.
Мир ждет терпенья и не ждёт наград.
Пока на небе согласуется парад
Светил ночных и засияет Веспер,
Как избежать нам ложной славы блеск,
Не искажёнными — совпасть
с судьбой?

Вот человек простой фамилии идёт
Под светом фонарей. Он Гусев или
Дымов,
По в поединке с жизнью Дон Кихот,
И вечный образ примеряет имя.
А пленник безнадёжный Крыма,
Как он мечтал увидеть крупный снег,
Смех в сумерках — и умереть зимою
В России, где проходит век
Тщетою бессмысленной,
тщетою земною.

Его речей уж не услышим мы,
Еще один огонь погас среди нашей тьмы,
И струны скорбные, прорвавшись, замолчали.
Окончен тяжкий путь. В его душе цвела
Живая красота, как свет неугасимый,
Но в сером сумраке, среди скорбей и зла,
Он шел, загадкой вечною томимый,
И жизнь все в даль его влекла неумоимо
И скорбною душа его была.
С улыбкой кроткою, с томительной тоскою
В глубоком голосе, во взгляде грустных
глаз,

Он с нами говорил. Какою красотою
Дышала эта речь. Но крепкою рукою
Смерть, обняла его ...
И он ушел от нас.

И все, что он любил, и все, что тайной
силой

Он оживлял, как солнечным лучом,
Сошлось толпой теней над свежую могилу...
Вот бледная печаль с поникнувшим
челом

Глядит задумчиво... Вот тайные
страданья ...

Вот тихая любовь. В тоскливом ожиданье
Они стоят над ним, они скорбят о нем,
Они зовут его.

Но нет на зов ответа.

В холодном сумраке оборвалась струна...

Все кажется, что звук еще таится где-то...

Что дрогнет тишина, что песня не допета

И снова зазвучит... Нет, он ушел
от нас!

Чеховский юбилейный сборник стихотворений. Одесса. 1915. С.8-9

СКИТАЛЕЦ (СТЕПАН ПЕТРОВ) ПАМЯТИ ЧЕХОВА

Неумолимый рок унес его в могилу!

Болезнь тяжелая туда его свела:

()на была в груди и всюду с ним ходила -

Вся жизнь страны родной болезнь его
была!

Пророки и вожди, кипя душой мятежной,

Могли быть гневными, могли любя, карать.

А он любил людей такой любовью нежной,

Как любит женщина, как любит только
мать.

И оставляя мир, он звал тебя, свобода!

Последний вздох его уже звучал тобой:

Он чувствовал, что даль таит лучи восхода,

А ночь еще сильна и давит край родной.

А.П. Чехов в портретах, иллюстрациях, документах. М. 1957. С.355

Слетимся вновь со всех сторон,
То дело радостное делая,
Что лет чрез двести видел он.
Любите же, о люди, Чехова!
Он столько, столько перенес...
В нем слышите живое эхо вы
Родимых гроз, любимых грез...

Чеховский юбилейный сборник стихотворений. Одесса. 1915. С.15-16

ТРУБИЦЫН В. В ГОСТИ К ЧЕХОВУ

Жаль, что отпуск один,
А дорог очень много.
Еду к Чехову в гости –
До Таганрога!
От зимы, от дождей
Я укроюсь на юге,
Позабуду у моря
Уральские вьюги.
Город солнца, цветов
И весеннего смеха.
Привечает гостей
В этом городе Чехов.
Здесь, куда ни пойду я,
Со мною повсюду
Новизна, новизна,
Как волшебное чудо.
Ах, Азовское море
На тихом рассвете!
Я на улице Чехова
Чехова встретил...

Таганрогская правда. 1967. 19 марта. С.3

ФЕДОРОВ А. ЕГО Я ЧАСТО ВСПОМИНАЮ...

Его я часто вспоминаю.
Вот и теперь передо мной
Стоит он, точно как живой,
Такой, каким его я так люблю и знаю:
Сухие, тонкие черты,
Волос седеющие пряди.
И эта грусть в глубоком взгляде,
Сосредоточенном и полном доброты.
Больной и бесконечно милый,
Он был похож на первоцвет,
Сквозь снег пробившийся на свет,
Чтоб возвестить весну
пред раннею могилой.
Он о своей судьбе молчал,
Хотя до дна источник видел.
Страдая, жизнь не ненавидел,
Жалея всех людей, он их
не презирал.

Средь цепких трав трясины зыбкой,
Где гады скользкие шипят,
Стоял он, ужасом объят,
Но с побеждающей
пророческой улыбкой.
И сквозь удушливую тьму
Глядел с глубокою печалью:
Заря не светится ль за далью?
И всем незримое открылось ему.
Средь ослепленных и безглазых
Один прозрел он горний свет
И нам оставил, как завет:
“Увидим ангелов и небеса
в алмазах”.

ФОФАНОВ К. ПАМЯТИ АНТОНА ЧЕХОВА

Как скоро смерклося... А я не дочитал,
Еще не дочитал последние страницы,
Где жизнь— ничтожество и смутный идеал
Так не похож на небылицы.

Что было бы в конце... не знаю, не
пойму, —
Огонь в кремне иссяк, унесена лампада,
Но только с первых строк, как луч
в сырую тьму,
Блеснула тихая услада.
Мне грустно и тепло! Заплакать, —
нет слезы!
Вздохнуть, — но грудь и так разорвалась
от вздоха!..
Вот повесть бытия, без воплей и грозы,
Но и без смеха скомороха.
Я только что хотел вникать в глу-
бокий ум.
И только вызвали мне пестрые страницы
Виденья тихие и рои тайных дум, —
Как холод опахнул гробницы.
Стемнело. Мрак вокруг, а дома нет
огня...
Не слышно шепота, ласкающего ухо!
И книгу я закрыл... и жду другого дня,
А сердце бьется глухо ... глухо ...

Чеховский юбилейный сборник стихотворений. Одесса. 1915. С.10

ФРИДБЕРГ Д. А. П. Ч.

Легла немая тень и опустились руки.
Светлеет медленно туманное окно.
И шепот слышится в неравномерном стуке
Больного сердца: „поздно, холодно, темно”.

Но ты любил, взлелеянный годами,

Далекий Город наш, грустил, мечтал
О людях, не униженных трудами
Постылыми, и к ним тоскливо звал...

Цветы и люди - там друг другу рады,
И в тонком сне все Солнца ждет.
Дождется каждый камень — взгляда,
Былинка каждая — забот.

Там блеск любви, как Солнца луч отвесный,
Любовь — безбрежная река
И жизнь „как свод небесный
Торжественна, свята и высока“.

Новый путь. 1904. Июль. С.190

ЧЕРНОБАЕВ Е. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

Как друг, склонившись к изголовью
Безвольем страждущих людей,
Шептал он с нежною любовью
Мечты о блеске лучших дней.
Когда повеяло ненастьем,
И блекли грезы, как цветы,—
Он звал на поиски за счастьем,
За жизнью, полной красоты.
Под гнетом тяжкого недуга,
Горя, в мучительном огне,
Он согревал нас лаской друга
И светлой сказкой о весне...
А тьма все шире облежала
Немой простор родной земли,
И тихо сказка отзвучала,
Как сон растаяла вдали.
И он угас, с тоскою зная,
Как далека еще весна...
Оплачь его, страна родная,
Осиротевшая страна!

Образование. 1904. № 8. С.116

ЧЕРНОБАЕВ Е. В ВИШНЕВОМ САДУ (Памяти А. П. Чехова)

Блистая в сумерках звезда
И сквозь вишневый сад
Роняла в зеркало пруда
С небес лучистый взгляд.

И тени хмурые толпой
Сходились к берегам,
Скользя неслышною стопой
По бархатным лугам.

И тихо плакали, в мечтах
О счастье на земле,
И сад вишневый, весь в цветах,

Томился в полумгле.

Но вдруг исчезла, словно сон,
Прекрасная звезда,
И тусклы стали небосклон
И зеркало пруда...

Плывет туман, легла роса,
И в царстве тишины
Рассек немые небеса
Холодный серп луны.

Мир Божий. 1904. №10. С.28

ЧЕРНЫЙ САША ПРОСТЫЕ СЛОВА (Памяти Чехова)

В наши дни трехмесячных успехов
И развязных гениев пера
Ты один, тревожно-мудрый Чехов,
С каждым днем нам ближе, чем вчера.

Сам не веришь, но зовешь и будишь,
Разрываешь ямы до конца
И с беспомощной усмешкой тихо судишь
Оскорбивших землю и Отца.

Вот ты жил меж нами, нежный, ясный,
Бесконечно ясный и простой,—
Видел мир наш, хмурый и несчастный,
Отравлялся нашей наготой...

И ушел! Но нам больней и хуже:
Много книг, о, слишком много книг!
И не сбросить «чеховских» вериг...

Ты хоть мог, вскрывая торопливо
Гнойники, — смеяться, плакать, мстить.
Но теперь всё вскрыто. Как тоскливо
Видеть, зная, не ждать и молча гнить!

Черный С. Стихи и проза. Ростов н/Д. 1990. С.31

ЧЕРНЫЙ САША АХ, ЗАЧЕМ НЕТ ЧЕХОВА НА СВЕТЕ...

Ах, зачем нет Чехова на свете!
Сколько вздорных - пеших и верхом,
С багажом готовых междометий
Осаждало в Ялте милый дом...

День за днем толклись они, как крысы,
Словно он был мировой боксер,
Он шутил, смотрел на кипарисы
И прищурясь слушал скучный вздор.

Я б тайком пришел к нему иначе:

Если б жил он, - горькие мечты! -
Подошел бы я к решетке дачи
Посмотреть на милые черты.

А когда б он тихими шагами
Подошел случайно вдруг ко мне -
Я б, склонясь, закрыл лицо руками
И исчез в вечерней тишине.

Черный С. Избранное. Ростов н/Д. 1996. С.427

ЧУМИНА О. В КРЫМУ У ЧЕХОВА

Ужели – здесь?... Калитка сада,
Кругом - татарские дома...
Где ниже белая ограда –
Видна лазурных вод кайма.
Мы входим... Белый дом... С веранды
Подобьем пышного плаща –
Повсюду свесились гирлянды
Лоз виноградных и плюща.
Июльский полдень знойно жарок,
Лишь слышно пение цикад...
Как он разросся – густ и ярок
Посаженный недавно сад!
Побеги юные могучи,
Роскошно вьется их узор,
Поят их влагой светлой тучи
И обвивает ветер с гор.
Здесь каждый лист прозрачно зелен,
Здесь и средь горной высоты
Порой белеют из расщелин
Благоуханных роз кусты.
Вот лавр зелено-золотистый,
Вот кипарисы у стены -
Покрыты пылью серебристой,
Как бы налетом седины...
И - память родины далекой -
Здесь рядом с елью и сосной
Вот ствол березки одинокой,
Для сердца русского родной.

Изгнанник севера родного!
Здесь приковал его недуг,
Но променять он жаждал снова
Ликующий и светлый юг
На хмурый край суровых выюг.
Его рабочий кабинет
С уютной нишею глубокого дивана,
Вид на море и груды книг, портрет,
Камин с пейзажем Левитана...
Здесь часто видел он в окно,
Как над волной кружилась чаек стая,
И мысль его неслась им вслед витая,
И зрело творчества зерно.
И в шуме бурь, когда каймою пены

«Здесь Чехов схоронен».
Но полно, здесь ли он? .. Под тяжестью гранита
Ужель его душа погребена и скрыта? ..
Ужели нет его? В прозрачной тишине,
Где слышен ход минут, как звон жемчужных четок,
Он верно с нами здесь, печален, но и кроток.

Он с нами навсегда: и в каждом сером дне,
И в русских сумерках, и в летней дреме сада,
И в нежной девушке с задумчивостью взгляда,
И в скорбной женщине с надломленной душой;
В молитвенной тоске, и чистой и большой;
В осеннем вечере и в музыке Шопена;
Он с нами, наконец, и в детской вере той,
Что человечество низвергнет узы плена,
И будет жизнь еще прекрасной и святой!..
Он с нами — навсегда: душа его родная,
Все наши тягости, сомненья, муки зная,
Нам издали дарит свой грустный, тихий свет,
Как тихая звезда над мутными волнами...
И верю: с Чеховым для нас разлуки нет,
Пока душа жива — я знаю — Чехов с нами!

Щепкина-Куперник Т. Л. Избранное. М. 1954. С.383-384

ДОНСКИЕ ПОЭТЫ

БАКУМОВ С. ЧЕХОВУ

Голубеют небесные дали,
Солнце светит над русской землей,
Для которой Вы страстно желали
Много счастья и доли большой.

Вы ее беззаветно любили
И за правду вступали в борьбу.
Вы закон и судьбу не молили,
Вы клеймили закон и судьбу.

Пусть победа пришла не при Вас,
Вы в строю – справедливый и строгий,
Нам в борьбе помогали не раз
Ваши гневно-правдивые строки.

Таганрогская правда. 1957. 14 июля С.3

БАРСУКОВ Э. ДУМАЛ ОН О БУДУЩЕМ РОССИИ

Как будто с левит зное сгих полотен
Ложится снег на ветки, на кусты.
И кажется, за горизонт уходят
Цветущие вишневые сады.
Задумчивой, неслышною походкой
Идет в саду хозяин, а не гость.
Одной рукой придерживал он трость,
Другой рукой пощипывал бородку
Томятся молча мужики в овраге,
И Беликов в футляр вобрался весь,
И мечется несчастный доктор Рагин
В глухой тюрьме — палате № 6.
И степь еще звенит от песни-стона.
И песне отзывается строка.
Быть может, это кучера Ионы
Тупая, безответная тоска?
Нет, надо жить и жить без промедленья...
Лечить людей, сажать в степи леса
И передать грядущим поколениям
Письмо, что Ванька Жуков написал;
Глядеть, как хлопья падают косые.
Дрожа на солнце блестками слюды,
И думать о бессмертии России,
Где расцветут вишневые сады.

Комсомолец. 1960. 29 янв. С. 3

БОНДАРЕНКО И. ЛЕГЕНДА О ЧАЙКЕ

Читая Чехова

Влюбленные души, как призраки, бродят
В аллеях старинного парка в ночи.
Над озером черным луна колобродит,
Скулят вещуны — домовые, сычи.

Живут здесь почтенные старые тени,
Томятся от неразделенной любви,
И страхи сомнений, и муки борений
Сам дьявол смешал в их остывшей крови.

Завяли, устали от жизни и славы,
От нечего делать играют в театр,
Сменяют одни на другие забавы;
Охота на женщин, любовный азарт.

А рядом, за садом, где светит луна,
Прекрасная девушка с детства живет,
Как чайка, красива, свободна, она
О счастье мечтает, о счастье поет.

Стучит у соседей в свою колотушку
Недремлющий сторож на той стороне.
Уткнулась в подушку и дремлет простушка,
И чайку над озером видит во сне.

Но дьявол не дремлет. Две красные точки –
Багровые, страшные смотрят глаза,
И девушка сжалась дрожащим комочком,
Ни слова, ни звука не может сказать.

И вдруг закричала над озером чайка,
Ее не услышал никто в пустоте,
И только испуганных звездочек стайка
Мерцала и пряталась на высоте.

Запахло грозой, и луна испарилась,
Фонарь ее тусклый померк и погас.
Кружилась над озером чайка, кружилась,
Пока не настиг ее смертный час.

Пришел он нежданно и, может, случайно,
И душу сгубил, и любовь растоптал...
Упала к ногам неповинная чайка,
Над озером дьявол всю ночь хохотал.

Печально летели вдали журавли,
И Чехова тень промелькнула вдали...

Бондаренко И. Отблески. Таганрог. 1998. С.109-110

БОРИСОВА-ИПОКРЕНА М. ДОМИК ЧЕХОВА

Чеховский домик – уютный, пленительный,
Где обитала большая семья.
В маленьких комнатках дух удивительный, -
В них так свежа, так жива старина!

Здесь собирались вечерами длинными, -
Шутки, остроты и Библии глас.
Были те годы Антоши счастливыми, -

Столько добра в них, невинных проказ.

Ветры Судьбы ткут узорами странными...
На перекрестках случайных дорог,
Чудился домик с зелёными ставнями, –
Тихий, желанный, родной Таганрог.

Домик, тропинка, в цветах подоконники,
Низкая дверь, невысокий порог.
Тянутся в дом восхищённо поклонники,
В дом, куда сам он вернуться не смог.

Вещи глядят свысока и торжественно, -
Здесь, как при Чехове, всё на местах!
Смена времён в звёздном мире естественна.
И только память бессмертна в сердцах...
Чеховский домик – уютный, пленительный,
Где обитала большая семья.

БРАНСБУРГ С. ЯЛТИНСКИЙ СЮЖЕТ

*Пой и пляши,
Спрячь боль души-
Ты веселить всех должна...
Из оперетты С. Джонса «Гейша»*

Шаланда шла. Ее трепала качка,
И парус звонко хлопал на ветру.
Гуляла дама с белою собачкой
По набережной длинной поутру.
Рассказ о том создал писатель вскоре.
Что в жизни знал. Иль может - сочинял.
А в Ялте дождь осенний моросил.
И где-то там, внизу шумело море...
Глаза провинциальных театралов
Он вспоминал за письменным столом,
Премьерный трепет зрительного зала
Под пенье скрипок в театре городском,
Где на галерку - лестница крутая,
Знакома с гимназических времен..
Его герой, подругу обнимая,
Стоял здесь тайной встречей опьянен.
Ну а на сцену публика глядела,
Бинокли и лорнетки устремив,
Где гейша о любви сквозь слезы пела
Лирично-экзотический мотив.
А он смотрел с восторгом не на сцену,
Где кимоно цвели. Он, как в бреду,
Рад жизнь отдать той женщине бесценной,
Сидевшей в третьем от него ряду.
Вновь выводила арию певица,
А Гуров шел в ночи и вспоминал
Улыбчивую даму с белым шпицем

На поводке, на фоне Крымских скал...
А после - эта тягостная тайна,
Что на себе влюбленные несут,

Недлительных гостиничных свиданий
Всегда настороженный неуют.
И та, что терпеливо проживала
До новой встречи будней суету,
Самозабвенно в сердце сохраняла
Высокую, заветную мечту.
Что в людных залах чопорного «света»,
На бале иль в семье своей тиши,
Как героиня старой оперетты,
Скрывала под улыбкой - боль души.

Вехи Таганрога. 2004. №20. С.61

БРАНСБУРГ С. ДРАМАТУРГ И АКТРИСА

Во МХАТе их сдружила сцена
И рукоплещущий партер.
И породнила Мельпомена
В дни репетиций и премьер,
Свет рамп, занавес, кулисы
И счастье в этом мире жить,
Где драматурга и актрису
Соединила чувства нить.
Она жила, искусства чары
Самоотверженно любя,
И в чеховском репертуаре
Актриса обрела себя.
А он весной туманной, в Ялте
О встрече трепетно мечтал,
Считал ее приезд даты
И письма нежные писал.
Как тягостно тянулись зимы!
Уже в груди таилась боль.
А он с волнением для любимой
Писал в пьесе новой роль.
Она на сцене воплощала
Его раздумья и мечты.
А время дни перебирало
До той, до роковой черты.
Что делать? - Дружбе двух талантов,
Как и любви, приходит срок...
Стальная поступь оркестрантов.
Эксперт. Серебряный венок.
Одна... Погружена в работу,
Супруга помня и любя,
Его искания, заботы
Взяв на себя...

Вехи Таганрога. 2004. № 20. С.6

БРАНСБУРГ С. «ТРИ СЕСТРЫ»

Стал ныне вдохновенной песней,
Сценической легендой он,
Тот выпуск ГИТИСа, известный
С далеких фронтовых времен,
Когда созвездие талантов

В год испытаний и тревог
Приехало в от оккупантов
Освобожденный Таганрог,
И здесь, в предчувствии успехов,
В тот исторический дебют
Их вдохновлял великий Чехов,
Что некогда родился тут,
И, может, «Трех сестер» на диво
Они играли оттого
В спектакле этом столь правдиво,
Что сердцем верили в него...
Премьеры, летние гастроли.
Аплодисментов сладкий дым -
И удивительные роли,
Что доставались молодым.
Но жить одной мечтой непросто,
Когда во сне и наяву
«В Москву, в Москву», -
Шептали сестры,
Да так и двинулись в Москву.
Влекла мать городов России
Столь молодых тогда актрис,
И корни этой ностальгии
С ролями их переплелись.
Они и там приметны были -
Талант - он всюду волшебство, -
Но их нигде так не любили,
Как здесь, на родине его!

Таганрогский вестник. 1996. №11. С.1

БРАНСБУРГ С. ПАМЯТНИК ЧЕХОВУ

В то жаркое лето в четвертом году
Его за границу манила Надежда.
Но чужало сердце беду,
И вот уменьшаются силы,
"Их штербе" (я умираю), - сказал он, -
И выпил бокал (тот позже
в осколки разбился).
Но бюст, что о Чехове напоминал,
В Баденвейлере не сохранился...
Он с раннего детства в ковыльной степи
Дань отдал дорогам, курганам
И помнил, как парус баркаса скрипит,

Низовку ловя над лиманом.
Столь ярко описаны им потому
Крым, Приазовье, Придонье,
Но Ялта, где памятник создан ему,
Сегодня уже закордонье.
В родном Таганроге сквозь дымку времен
И отблески южного солнца
Глядит с пьедестала вдоль улицы он,
Что Чеховской ныне зовется,
Где к дому старинному лепится дом,
Знакомые ходят фигуры:

Вон там Ариадна и Ванька с письмом,
Ионыч и Беликов хмурый.
Над памятником пролетают года,
Шторма гонят волны крутые.
Творца-земляка будет помнить всегда
Наш город на юге России!

Таганрогский вестник. 1996. 17 июля. С.1

БРАНСБУРГ С. ВЕЛИКИЙ ТАГАНРОЖЕЦ

Манила дальняя дорога:
В Москве уже родня и мать.
Он юношей из Таганрога
Уехал, чтобы жизнь познать.
А позже жажда впечатлений
Вперед писателя влекла,
И невских улиц вдохновенье,
И быт российского села,
И зелень яркого Цейлона,
И блеск Венеции златой,
И на Монмартр подъем крутой,
И Ниццы стройные колонны.
Но в памяти неизгладимо
Остался приазовский град,
Где смотрит дом его родимый
Окошками в вишневый сад,
Где пароходов клич веселый
С утра разносится в порту
И взвилась чайка ввысь у мола,
Неся крылатую мечту.

Таганрогская правда. 1997. 16 августа. С.3

БУРЦЕВА Н. ЕЩЕ РАЗ О ЧЕХОВЕ

Еще не окончена о Чехове глава -
Он к нам приходит с детства, как исток,
И открывает чудо-острова,
В мир неизведанный несет поток...

Он наша юность, наше увлеченье,
Антоша Чехонте, как свет в окне.
Веселье, шутки, жизни изученье
С ее круженьем в вечной суете –

«Бесчисленные дачники, чиновники, кухарки,
Городовые, гимназисты, женихи» -
Все это стало триумфальной аркой
Блистательных рассказов и штрихи.

К началу человеческих раскрытий:
Строй жизни, нравы, быт простых людей,
Весь мир нас окружающих событий,
Исследование душ и их страстей.

О, как близки и как понятны чувства

Героев чеховских, их мир простой.
Он полон юмора и жизни буйства,
Душа стремится к истине святой.

Вся наша жизнь - есть чеховский сюжет.
Окинешь все и кругом голова,
То там, то здесь звучит его завет,
Пророчески звучат его слова:

«О, люди! Сделайтесь хоть чуточку добрей,
Прекрасней, лучше и душою чище!»
Пусть к совершенству вечный путь людей
И человек к нему всю жизнь дорогу ищет.

Вехи Таганрог. 2007. №34. С.76

ВАЙСБЕРГ М. А. П. ЧЕХОВУ

Доктор. Вы прозе – любовник,
Вам медицина – жена.
В городе вырос крыжовник,
В полном разгаре весна.

Я же иллюзий не строю:
К жизни пройдет интерес,
Стану четвертой сестрою
В самой печальной из пьес.

Провинциальной и слабой.
Серой, сухой, как лоза,
Обыкновенною бабой
С вечной печалью в глазах.

Но и тогда из бывшего
Вызволю светлую речь.
Ваше прекрасное слово
В сердце сумею сберечь.

Души вдохновенное слиянье: Юбилейный сборник. Таганрог. 2006. С.37-38

ВОЛОШИНОВА Л. А. П. ЧЕХОВУ

В доме купца, торговавшего чаем и хлебом,
У малых окошек, глядящих в завьюженный сад,
Родился младенец, крещенный морозом и снегом,
чья жизнь начиналась с отцовских долгов и заплат;
в городе южном с державной российской статью,
театральным подъездом и росчерком в небе крестов,
где площадей так свободны немые объятья
и судьба выбирает тебе и друзей и врагов.
Там, у залива, спокойно течение улиц,
а в час, когда судна на рейде белеют вдали,
кажется, что облака с парусами сомкнулись,
и сердце внимает святому гражданству земли.
А мраморный ангел, венчая часовню кладбища,
учит — молиться, прощать, безоглядно любить
и, коли господа ты в небесах не отыщешь,

О, эта боль! Одна она
осталась...
Я словно беспризорный пес.
В душе моей обида
и усталость,
Что с детских лет
по жизни нес.
Стремился - не сумел...
А так мечталось!
Приврете... Вот - платок
в крови...
Еще прошу, не опошляйте
жалость –
Начало истинной любви.
Что там вдали? Какое-то
свеченье,
Как бы сверкающий каскад...
Вот, кажется, и все...
Еще мгновенье...
Но - невозможно... Нет...
Закат...

Таганрогский вестник 1998.11 июля. С. 2

ЕВСТИГНЕЕВ Е. НАД КНИГОЙ ЧЕХОВА

Тисненый том волнующих
рассказов
прочитай от начала до конца.
...Метель свистит,
поет и плачет сразу.
Метель доносит звуки
бубенца.
Никто об этом больше
не расскажет:
закрой глаза и вновь перед
тобой
знакомые по книгам
персонажи
возникнут зримо длинной
чередой.
Пройдут, как тени, через
тихий город:
за Софьей Львовной —
ведьма,
почтальон,
миллионер - кутила
Пятигоров,
и Пришибеев,
и Хамелеон.
Ассессоров усердных
вереницы,
храня и важность,
и мундиров честь,
пройдут со службы
рядышком с больницей,
где страшная палата

в стекло.
«На деревню, дедушке»..
Да нынче
Ты такой деревни не найдешь,
Где бы труд
не вырастил,
не вынянчил
смелого полета молодежь!
Я до всех строкою
не достану!!
Мне в какую постучаться
дверь?
Расскажите,
Жуковы Иваны.
Как росли,
кем стали вы теперь?
Знаю, даже без ответных
писем.
Без открыток
И без телеграмм.
Все глубины,
Шири все
И выси,
Жуковы, давно открылись вам.
Нету этой радости светлее,
Радостью такую дорожу,
Что без адреса
в день юбилея
Я
Сейчас,
Нисколько не робея,
На деревню, Жуковым" пишу!

Комсомолец. 1960. 29 янв. С. 2

ИЗЮМСКИЙ И. «ТЕБЯ С НАМИ ТЕЛОМ УЖЕ НЕТ, НО ДУШОЮ ...»

Тебя с нами телом уже нет, но душою
Ты жив, и мы видим тебя меж собою
Ты – искренний, чуткий и верный наш друг.
О пусть же витает меж нами твой дух!
И пусть он нам будет бессмертной порукой,
Что сильные духом, с телесной разлукой,
От нас не уходят, всегда между нас,
Как ты в наших думах живешь по сей час...
И мнится, ты с нами смеешься сквозь слезы,
И пошлости низкой как будто угроза
Ты шлешь и пороков ликующий ряд
Как бы отступить заставляешь назад,
Неся с собой знамя любви и печали.
И нам заповедал ты эти скрижали.
И бодрствуя видим, что видел ты сам,
Открыл на все это ты взоры и нам.
И в дебрях туманных на вехи взирая,
Тобой укрепленные, смело ступая,
Идем мы навстречу невзгодам вперед.

Мы верим, что с нами и дух твой идет.
Мы верим, мы знаем: Пороки все сгинут!
Добро, торжествуя, полки свои двинет
И светлое знамя свое развернет!
Очистит победно дорогу вперед!
Для чистых порывов, для смелых стремлений
Для новых, не рабских уже поколений,
Но верных отчизне любимой сынов –
На грудах разбитых страданьем оков!

Таганрогский вестник. 1914. 17 янв.

ИСХАКОВА К. В ЯЛТЕ

А.П. Чехову

Скамья. И человек в пальто.
В пальто и шляпе. С моря дует ветер.
И думы, думы... Не спасет никто,
Поскольку нет чудес на белом свете.

А Ольга Книппер пишет о любви.
Свою соперницу она не видит...
"Приду, приеду! Только позови!"
А он опять восторг ее остудит...

Хандра, хандра! Да как и не хандрить?
Погоды переменчивы, капризны...
Что может Чехов Книппер подарить?
Последнюю страницу жизни?

Сегодня слишком тяжело дышать.
Нет, он обязан от женитьбы отказаться,
Не должен сцены, наконец, ее лишать,
Она сама же пожалеет, может стать...

В Москве театр, поклонники, успех,
А в Ялте одиночество с брюзгой.
Ждут "Трех сестер".
Но что-то, как на грех,
Не ладится то с этой, то с другою...

Дождь начинается. Пора домой.
И человек пошел неторопливо.
За ним собаки побрели гурьбой.
И чайка вслед кричала сиротливо.

Вехи Таганрога. 2000. №3. С.49

ИСХАКОВА К. ЛИЦО ЧЕХОВА

**У Чехова каждый год менялось лицо.
И. БУНИН**

Гримасы времени — они меняют лица,
И сотни их в одно умеют слиться,
И стать толпою, массой многоликой,
И в многоликости своей — безликой...
А он прошел по жизни до конца

И не терял ни чести, ни лица,
Он обретал его, вживаясь в роль,
Нести в душе за всю Россию боль.
Он, Чехов, нес общественную совесть.
И по частям писал одну и ту же повесть,
А в ней была Россия целиком,
Которая ходила под хмельком,
Куражилась, ленилась и томилась,
И степью необъятною стелилась,
Была и честною, и вороватой,
Была и нищею, и самою богатой,
И вязла по колена в бездорожье,
И каялась, крестясь на лики божьи...
Она, Россия, жаждущая бури,
Творила слишком много всякой дури,
От дури поступью особою кичилась...
Лицо у Чехова печальней становилось...
Умом постиг Россию Чехов и, возможно,
Он понял — ВСЕ в России безнадежно...

Исхакова К. Запретный плод. Таганрог. 1994. С.20

ИСХАКОВА К. МАЛЕНЬКИЙ ДОМ

Этот маленький дом
Утопает в вишневом саду,
За деревьями прячется он,
Не желает он быть на виду.
В этом доме икона в углу,
Лампа круглая над столом,
И сундук на дощатом полу
Дышит памятью о былом.
Говорят здесь о том,
Что однажды явился на свет
Мальчик Чехов Антон,
Доброй прозой оставивший след...
Тишина и уют
Умиляют своей простотой,
Словно Чехова тут
В гости ждут с дорогою душой...
Этот маленький дом
И вишневых деревьев наряд —
Быль о времени том
Сквозь улыбчивый чеховский взгляд.

Вехи Таганрога. 2000. №3. С.49

ИСХАКОВА К. АВИЛОВА И ЧЕХОВ

Только раз бывает в жизни встреча...

Быть может, встречи, нам готовят небеса.
И эта встреча тоже не случайна,
Как в сказках происходят чудеса,
Так и в любви — и чудо есть, и тайна...

«Мы с Вами в прошлой жизни
вместе были», —

Авиловой с улыбкой он сказал, —
«Давным-давно я Вас когда-то знал,
И, помню точно, — Вы меня любили...»

Внезапно закружилась голова,
Открылось необъятное пространство,
В нем не было покоя, постоянства,
В нем говорили взгляды, не слова...

А дома неожиданный скандал:
«Что в этом беллетристе ты находишь?
До неприличия в восторгах ты доходишь!» —
Муж возмущался и негодовал...

Да, были муж, семья и чувство долга,
И Чехов был... и странная любовь,
И ожиданье встреч счастливых вновь,
И бесконечные разлуки и... надолго!

Лишь письма — стаи перелетных птиц,
Чертили в небе радуги свободно,
Но все, что было — было безысходно,
Жизнь столько понаставила границ...

Премьера «Чайки» в Петербурге. Полный зал.
И вдруг пьеса с шумом провалилась...
Унижен Чехов! Серость насладилась,
Гудящий улей, сотни острых жал!

Авилова сидела чуть живая, —
«Как выдержит такое Чехов?
Заткнуть бы уши, чтоб не слышать смеха!»
А публика глумилась злая...

«Если тебе когда-нибудь, быть может,
Понадобится жизнь моя,
Приди, возьми ее, ведь я люблю тебя!
Пусть бог рассудит нас и нам поможет...» —

Такое Чехов получил посланье,
И он ответил ей: «Свидетель бог,
Для счастья Вашего я б сделал все, что мог,
Но есть неисполнимые желанья...»

Последнее свиданье их. Вокзал,
Где Чехов ей сказал печально:
«Как это ни парадоксально,
Я счастлив был тогда, когда страдал...»

Любовь, как неоконченный сонет,
Строкою недописанной осталась,
Она в воспоминаньях продолжалась —
Прекрасных, чистых, словно солнца свет...

Я ностальгически смотрю на прошлый век,
Жизнь и тогда была не идеальной,
Но революции... как ныне... «сексуальной»,

Не мог представить даже человек!

Теперь любовь не состояние души
И не сердечное возвышенное чувство,
Она лишь обоюдное искусство,
Лишенное романтики в тиши...

Мужчина! Женщина! Вы предали друг друга»
Когда партнерами на ложе стали,
Тогда забытою, но гордою в печали
Любовь ушла из солнечного круга...

Ушла... и может не вернуться вновь...
Ужель любви земной пришел конец?
Не для того же нас создал творец,
Чтоб мы попрали на земле любовь...

Исхакова К. Запретный плод. Стихи. Таганрог. 1994. С.83-85

ИСХАКОВА К. ВИШНЕВЫЙ САД

***Это последняя, предсмертная пьеса Чехова.
Он писал ее с трудом, иногда по две
строчки в день. Может быть, эта пьеса была
предупреждением?
Завещанием и предупреждением?***

«Вишневый сад» — дыхание поднебесья.
В нем под орган — космическая песня.
По саду шла невидимая смерть —
Убийственная сила — круговерть...
Кончалась жизнь. Все уходило прочь.
Еще не опустилось солнце в ночь,
Но уж явились с топорами мужики,
И по живому... словно в грудь клинки...
Он понимал, ЧТО скоро будет с нами,
Что скоро явятся такие — с топорами,
Настанет время смелых и бездушных,
Настанет время темных камер душных...
А он хотел, отчаянно хотел
Предотвратить грядущий сей удел,
И он взывал: «Должно быть все прекрасно!»
Предупреждал: «Бездумно жить опасно!»
«Безумство храбрых» — возносить нельзя!
У «Буревестника» — жестокая стезя —
Посеешь бурю и ее пожнешь!
Над гробом сына... что произнесешь?
Но... вакханалия настала топора,
Со стоном падали с церковей колокола,
Бездушье ядом въелось в нашу кровь...
А мы... все спорим! Спорим вновь и вновь
О том, кто прав сегодня, кто неправ,
И демонстрируем не честь, а нрав...
А нравственность... гуляет по панели!
«Вишневый сад»! Когда-то птицы пели...
Но к этим песням сердце было глухо,
И ВОТ ОНО уже — растленье духа...

Исхакова К. Запретный плод. Стихи. Таганрог. 1994. С.86-87

ИСХАКОВА К. ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Высокий человек в пенсне
Стоит растроган, улыбаясь.

Он кажется знакомым мне,
Остановилась, удивляясь...
Слегка он шляпу приподнял:
«Простите, я не ошибаюсь?
Я в город Таганрог попал?
Отсюда родом я, признаюсь...»
«Антон ли Палыч? Это Вы?»
Догадку высказала я.
Поклоном легким головы
Он в этом утвердил меня.
И разговаривать мы стали
Непринужденно так и мило,
Как будто мы друг друга знали
И время нас не разделило.
«Что ныне с Таганрогом стало?» —
Он удручающе сказал, —
«Неубрано и обветшало...
Где церкви, кто их разрушал?»
«Вы в будущее к нам попали,
В то, что Вам грезилось прекрасным.
В то, о котором Вы мечтали,
Как о счастливом, чистом, ясном.
Но жизнь, увы, не идеальна
И светлый путь не получился,
И человек, как ни печально,
С душой прекрасной не родился...
Зато отлично поживают
Герои Ваши, как живые, —
Хамелеоны цвет меняют.
И взяточники есть любые...
Хапуг же превелико много,
И очень люди вороваты,
Но не судите слишком строго —
Во многом мы не виноваты...
Недобрым был двадцатый век,
Он злыми силами вершился,
И наш российский человек
За этот век ожесточился.
Когда-то три сестры у Вас
Работать с пользой мечтали,
А наши женщины сейчас
От бесконечных дел устали!
Но мы Вас любим, почитаем.
Храним Ваш домик, как музей,
В нем постоянно принимаем
Из самых разных стран гостей!
А Полицейская зовется
В честь Вашу «Чеховской» у нас,
И лавка Ваша остается,
Хоть не торгуют в ней сейчас.
Я Вас, наверно, отвлекаю,
Во всем Вы разберетесь сами».

Прощаюсь, руку пожимаю,
И расстаемся мы друзьями.
А я расстроилась потом:
«Что видит Чехов, «Чехонте»?»

Что мир, как в зеркале кривом,
Совсем не тот. И мы не те!
Что рухнул светлый мир мечты
Его, который окрылял,
Мир гармоничной красоты,
В котором видеть нас желал».

Исхакова К. Запретный плод. Стихи. Таганрог. 1994. С.174-176

ИСХАКОВА К. ТРИ ЦВЕТА ОДНОГО ПОРТРЕТА

За белой чайкой улетает в небо взор,
А мысли — в прошлое, в его покой, простор,
Но отчего, пронзая болью миг,
По сердцу режет одинокий крик?
Крик чайки — обреченности в судьбе.
Да, Чехов сам отмерил срок себе,
Отмерил время своего пути...
Лети же, чайка белая, лети!

1

Началом всех начал и всех дорог
Для Чехова был город Таганрог,
Где в лавке торговал его отец,
Ловчивший, как и многие, купец
И обучавший разуму детей
Сурово, по-старинке, без затей.
И этим детские Антошины года
Остались в памяти печалью навсегда...
Но, несмотря на эти огорченья,
Жизнь щедро мальчику дарила впечатленья -
Народ любил собраться в лавке вечером,
Чтобы побаловаться водочкой, чайком,
Порассуждать о жизни, о знакомых,
О женщинах, о Боге, о законах...
В России любят все душевный разговор,
Так было и осталось до сих пор...
А город летом распускал тенисто кроны
И вечерами величавые персоны
Гуляли вдоль по улице Петровской,
Являя шарж провинциально броский,
Гуляли прототипы для пера,
Когда спадала, наконец, жара.
И вот... талантливой фантазией воспеты
Живут, любимые, знакомые сюжеты,
Живут, как фото из альбома прошлых лет,
Чтоб вспомнить то, чего давно уж нет.
А Таганрог хранит свои преданья,
Как и спокойное свое очарованье...

2

Москва же Чехова собою покорила,
Она трудилась, торопилась и кутила,
Сверкала золотом сусальным куполов,

Пленяла обликом своих особняков,
Уютом улиц, что сплетясь в одну канву,
Живописали златоглавую Москву...
Казалось, все здесь вдохновеньем дышит
И Чехов много, увлеченно пишет.
Приходит быстро мастерство, успех,
И вот уж Чехов на устах у всех!
Он, Чехов, счастлив множеству друзей
Среди талантливых и пишущих людей,
И он, конечно, в центре женского вниманья,
Поскольку сам он — это море обаянья...
Все было славно, и фортуна улыбалась,
Но ложка дегтя в бочку меда примешалась —
Включилась критиков толпа в его успех,
Вменяя Чехову любой порок и грех.
Совету Пушкина последовать послушно —
Жить, клевету, хвалу «приемля равнодушно»,
Не получалось... Но и сам поэт
Не смог исполнить мудрый сей совет...

3

Была ль у Чехова глубокая любовь?
Пожалуй, нет... Но он увлекся вновь,
Женился неожиданно для всех.
У Книппер — молодость, сценический успех!
Она нарядная, душистая, как май,
В театр спешила... «Не скучай!» —
Бросала Чехову, целуя мимоходом...
А он болел... И знал, с каким исходом...
Ночь в разговорах с Буниным вдвоем,
Пока окончатся спектакль, прием...
«Не спишь ты, Дуся?»
— Книппер удивлялась,
Когда под утро утомленной возвращалась...

И Бунин ехал по предутренней Москве
И благодарен позже был судьбе
За разговоры эти до утра
С великим мастером российского пера,
Который верил в человечество, в рассвет!
Он говорил, что через триста лет
Цветущим садом станет шар земной!
Но... видимо, дорогою иной
Мы все идем... Пока дорогой бед,
И лучше мир не стал за сотню лет...

Исхакова К. Запретный плод. Стихи. Таганрог. 1994. С.195-197

КАРПИНСКИЙ Б. ПЕНАТЫ ЧЕХОВА

Все так же за решетчатой оградой,
Сосредоточив мысли под пенсне,
Неброский бюст, раздумием объятый,

Оттаивал на солнце по весне.

К пустующему домику - пенатам
По снежному покрову - след:
Сутол и худ, обношен и заплатам,
Прошел с присмотром поутору сосед.
Лиха беда под оккупантом выжить,
Наставили машин у изгороди самой,
А бюст и домик с низенькою крышей
Всем видом - как протест упрямый.
В своем пенсне - джентльмен
Сугубо штатский,
Далек от партий и иных делений,
Рассказов, пьес не создавал левацких
И нет антигерманских сочинений.
Уже давно, еще в начале века,
Средь немцев от болезни умер он.
Для русских: этот домик - будто Мекка:
Перед войной стекались - на поклон.
И, видимо, лишь только посему
Не тронул враг ограду, бюст и домик.
А старому зрителю тому
За уголок признателен потомок.
Воинственное зло отвращено,
Пенатам Чехова ничто не угрожает,
Их каждый желоб, каждое окно
Насущной бытностью своею поражает.
И тесных комнат скученный уют,
И жесткость половицк деревянных
Уроки жизни нам преподают:
Исход - в трудах, живых и постоянных.

Таганрогский вестник. 1994. 16 июля. С.2

КАРПИНСКИЙ Б. РАЗГОВОР С ЧЕХОВЫМ

Вот вы в Москве...
Уже далёк домишко,
где жалось детство ваше
в тесноте.
Гимназия..., отцова лавка...
Слишком
провинциальны были годы
те.
Москва...
Здесь ваша клятва
Гиппократа,
перо и скальпель -
ваши два крыла...
И тьма хлопот,
и образов громада,
газеты, пересуды и дела.
Иной бы так вот,
лет десяток пожил,
и — на покой,
заслуженно б дремал...

Вас Ванька пронял,
сердце растревожил,
да так,
что верх над тихой жизнью
взял.
Глядите вы на пышные
чертоги
чинов военных и сановных
лиц —
и каторжные видятся
дороги,
что по стране
отсюда разбрелись.
Цинга и тиф
и произвол собачий...
Ах, милый Чехов,
кровный сын земли,
сквозь всю Сибирь,
Сквозь Сахалин пропащий
вы человечность стойко
пронесли.
И потому всегда вы
современны.
Вам, как живому, этих
слов тепло.
Москвич ли вы
иль гражданин вселенной —
вы мой земляк.
Мне крепко повезло!

Таганрогская правда. 1971. 31 декабря. С.3

КОВАЛЕВСКИЙ В. ЗВЕЗДА ЧЕХОВА

Благословен был день и час,
Когда над морем в Таганроге
Звезда нетленная зажглась
И осветила все дороги —
Для наших пращуров, для нас,
Как дар святой самого Бога.
Жива звезда, горит всегда,
Сияя ярким, ровным светом,
И в дальних селах, городах
Она как заповедь Завета...
То светит Чехова звезда
И согревает всю планету.

Таганрогская правда. 2004. 29 января. С.3

КОНЮХОВ В. У ДОМИКА ЧЕХОВА

Иду я по длинной улице —
Она через город весь.
Вот дом во дворе
сугулится:
Чехов родился здесь.

Во дворице за оградой —
Скамейка. Не слышен
шум.

Чехов, стоящий рядом,
Полон тревог и дум.
Тихо. Сижу. Мечтаю.
Струится сквозь ветви
свет.

В мыслях своих читаю
Рассказы далеких лет.
Я жизни иной ровесник —
В паспорте бурный год,
Тот, о котором песни
Весь мир трудовой поет.
Об этом ему мечталось,
А видеть не довелось.
В полуприщуре —
усталость,
А в сердце — любовь
и злость.

К мерзостям —
непримиримость,
Вера - в грядущее, в нас,
В ту силу, что появилась
В свободный и гордый
класс!
...Слетелись скворцы
над крышей,
Такие же, как тогда.
И Чехов любимый
слышит
Радостный ритм труда.

Таганрогская правда. 1969. 24 мая. С.3

КОТЕЛЬНИЦКИЙ А. АНТОШИНЫ КАНИКУЛЫ

Прощай, гимназии застенки!
Раскрыт, проветриваясь, зал,
Где на похвальные оценки
Антоша свой экзамен сдал.
Уже наутро, при тумане
Мальчишку дроги увезли,
Шум городской и горожане
Теперь остались вдали.
Придонье так его и звало
В село за речкою опять,
Заезжим гостем, как бывало,
У деда лето коротать.
Степной дорогой, спозаранок
Все дальше едет гимназист
Под трели звонкие овсянок
Да перепелок пересвист.

Туда, где солнце покраснело,
Свою макушку показав,
Приподнимается несмело
Из-за цветущих буйно трав.

На придорожье было много
Еще нескошенных цветов,
То алоость мака полевого,
То синий яхонт васильков.
Везли мальчишку долго дроги,
Исколесили много верст,
Пока с проселочной дороги
Не съехал он на старый мост.
С моста видна речная заводь,
Листы кувшинок, камыши.
Здесь доводилось ему плавать,
Сидеть над удочкой в тиши.
А вот и он, в саду знакомом,
Пропахший цветом яблонь двор.
Где в флигельке за барским домом
Заждался внука дед Егор.

Таганрогский вестник. 1994. 29 января. С.3

КРУЧНИНА С. ЧЕХОВ НА РОДИНЕ

Вы в скверик городской пришли и тихо сели...
Решив здесь отдохнуть от всех мирских забот.
Вы молоды - года состарить Вас не смели,
А город Таганрог растёт из года в год.

Из-под пенсне Ваш взгляд задумчиво-серьёзный
В пространство устремлён, сквозь годы и века...
Безгласны. Неподвижны. Вид Ваш благородный
Навек запечатлела скульптора рука.

Вы - мастер и творец изящности словесной,
Врач, критик, драматург, прозаик высший класс!
Не только землякам фигурой став известной –
Весь мир Вам рукоплещет и обожает Вас!

Таганрогская правда. 2015. 23-29 января. С.15

КУДРЯВЦЕВ Г. ЧЕХОВ

Скажи последнее «прости».
Смахни слезу. Одерни ворот.
Когда, шлагбаум опустив,
Замолкнет за спиною город.
Не передать твоей тоски...
И хочется свернуть с дороги,
Где пыль садится на виски
И тарахтят по шляху дроги.
И с каждым мигом все больней
По сердцу катятся колеса,
Гася воспоминанья дней,
Словно окурки папиросы.
О, как тревожно, сиротливо
Трястись в степи на облучке,
Когда в глазах слезой залива
Сверкает море вдалеке,
Когда душа мятежной чайкой

К родным и близким берегам
Летит счастливая - встречай-ка!
Там детство прячется в стогах,
Там юность с беззаботным смехом,
Как сад вишневый по весне.
И вдруг остановился Чехов...
Наверно, потерял пенсне.

Таганрогская правда. 1996. 27 января. С.3

ЛОЗОВСКИЙ В. РАЗМЫШЛЕНИЯ У ДОМИКА ЧЕХОВА

Вот домик Чехова. И мне
Светло у этого порога.
Ручьем из тесаных камней
К калитке тянется дорога.
Здесь веет бытом старины,
Отсюда гения истоки,
С ним были миру суждены
Творений будущие строки.
Отсюда он взглянул на мир
Своими чистыми глазами,
Умы потряс и осветил,
Как души - свет под образами.
Он в этом доме мало жил,
Но, как птенец, к гнезду тянулся.
Он этой улицей ходил,
И я невольно улыбнулся:
А вдруг сейчас мои шаги
С его следами совпадают?
И может быть, мои стихи
Потомки тоже прочитают...

Таганрогская правда. 2004. 29 января. С.3

МОИСЕЕВ В. ЧЕХОВ

Успех, триумф –
Все честь по чести.
Но, славу нагоняя ходко,
В задумчивое имя Чехов
Вползла чахотка.
За славу плачено по рангу.
И вот, творчества урок –+
Сереют губы, как пергамент,
И вновь в крови его платок.
Кого обнять, кого окликнуть
В последний хриплый
Смертный час?
И все ж его полуулыбка,
Далекая,
Жалеет нас.

Таганрогский вестник. 1993. 19 июня. С.4

МОРОЗОВ Н. У ДОМИКА ПИСАТЕЛЯ

Недалеко от уличной дороги,
Прижавшись к серой каменной

стене,
Белеет домик старый в Таганроге,
Мерцают стекла в узеньком
окне.
К нему придешь в любое время
года,
Забор, ступеньки из бетонных
плит...
Родился Чехов здесь – великий
сын народа,
У входа надпись золотом горит.
Стоишь, волнуясь, и себе не
веришь,
Что в этом доме нет давно
жильцов,
И ждешь, что он сейчас откроет
двери,
В плаще в накидку выйдет на
крыльцо.
Постойте, мысли! Сердце больно
сжалось,
Ведь я забыл, не выйдет больше
он.
Среди цветов на вечном
пьедестале
Стоит с улыбкой, в бронзу
воплощен.
Над ним года шумят, как волны
В море,
Их задержать на свете нету сил.
Могучий тополь дремлет на
просторе.
Его когда-то Чехов посадил.
Здесь помнят все чеховское
детство,
Отсюда в жизнь большую уходил
И все свое бессмертное
наследство
Он с гордостью потомкам
подарил.

Таганрогская правда. 1958. 26 июля. С.3

МОРОЗОВ Н. ПАМЯТНИК ЧЕХОВУ

Вот он стоит в тени аллеи,
Над ним свод неба голубой.
И солнце ласковое греет
Мир обновленный и большой.
В те мглы тронутые годы,
Как и народ России всей,
Мечтал писатель о свободе,
О счастье Родины своей.
Он знал, он всей душой верил:
Придут желанные года,
Народ откроет к счастью двери

В мир созиданья и труда.

Года пришли в багряном блеске,
В огне рабочих баррикад,
Пришли и повалили с треском
Надломленный вишневый сад.
И сбросив нищие котомки,
Смахнув невежество и тьму
Его достойные потомки
Воздвигли памятник ему.

Таганрогская правда. 1959. 7 июня. С.3

МОРОЗОВА Т. ДОКТОР ЧЕХОВ

Он был и детский врач, и терапевт,
Хирург и тонкий диагностик.
В своем уезде он один за всех,
И в творчестве умело перебросил мостик.

Из медицины, что была «женой»,
В литературу, что «любовницей» считалась.
Не будь такой «жены», судьба была б иной
И по — иному бы ему писалось.

Но ни «любовница» и ни «жена»
Не знали жалости и не роняли слезы.
Не их ли то была вина,
 что умер от туберкулеза?..
«Ich sterbe...» — доктору сказал
 и попросил шампанского бокал.

Морозова Т. Листопад судьбы. Ростов н/Д. 1997. С.93

МОРОЗОВА Т. В СТАРОМ ТАГАНРОГЕ

Здесь бегала, задравши хвост, Каштанка
И с лошадей беседовал Ионыч,
Случалось, пела под окном шарманка
И петухи отсчитывали полночь.

На берег шли ловить бычков ребята.
Другая попадалась мелкая рыбешка.
И был в таких походах завсегда —
Мальчишка босоногий по имени Антошка.

На масляной гуляли купцы и бедный люд.
На улицах встречались иностранцы.
А в хатах и дворцах царил уют.
На папертях церковей сидели оборванцы.

Любимый городок. Любовь ж не картошка!
Не обделен был ею старый Таганрог.
Писателем большим стал мальчуган Антошка.
Предвидеть это вряд ли кто-то мог!..

Февраль 2004 г. Вехи Таганрога. 2004. № 20. С. 63

МОРОЗОВА Т. ДОМ-МУЗЕЙ А.П. ЧЕХОВА

Дом стоит, надвинув низко шапку,
Будто бы грибок-боровичок.
И цветущих вишен не букет - охапку
Наломал бы здесь весною новичок.

Но нельзя ломать в саду музейном,
Пусть цветут они который год!
В этом доме, временем овеянном,
Неспокойный дух писателя живет.

Ну, а кто пришел сюда лишь в первый раз,
В эту комнат тишину и белизну,
Про семью услышит он рассказ,
Где от глаз чужих скрывали нищету.

Город спал под снегом, словно новый,
И в окно смотрелась ранняя звезда,
Мальчик появился крепкий и здоровый
Под суровым ликом строгого Христа.

Эти стены первый крик ребенка
От себя когда-то отразили.
А писатель с голосом негромким
Стал известен не в одной России.

Вороша в который раз страницы
Книг его про будней суету сует,
Даже через век - не единицы,
Очень много видится примет

Жизни, что давно ушла в былое,
И так мало-мало изменилась:
Век двадцатый - лихолетье злое
На народ в России навалилось.

Хоть и в космос мы теперь летаем -
Чехову такого бы не вообразить!
Но, как прежде, что нас ждет, не знаем,
Будет ли в грядущем веке людям лучше жить?..

Так нежданно мысли невеселые
Вызвал старый маленький музей.
Тени чеховских героев невесомые
Бродят вольно и сегодня меж людей.

Январь 1999 г.

Вехи Таганрога. 2004. № 20. С. 62-63

МОРОЗОВА Т. «ДЯДЯ ВАНЯ» В ТЕАТРЕ ИМЕНИ А.П. ЧЕХОВА В ПОСТАНОВКЕ Ю. КАЛАНТАРОВА

Давали «Дядю Ваню», -
Как пропустить премьеру?! –

Попала ж будто в баню,
Прошу принять на веру...
Июль.
В театре душно-жарко,
а драматурга стало жалко:
для цирка Чехов не писал репризы,
а в драмах же не полагал стриптиза,
где Дядя Ваня без мыслей груза
в коротких шортах и с голым пузом.
Причем «при дамах» -
чего он бесится? –
не потому ль, что видно
он на «девятом месяце»...
В других картинах - о, боже, боже, -
одет и вовсе он в стиле «бомжа»!
Но, чтоб не вызывать печали, —
(об этом надо бы в начале!)
петух и курица гуляли по сцене.
И зерно клевали.
Петух не вовремя свой голос подавал,
спасибо, курицу никто не затоптал!
Шло время к ночи,
птицы спать хотели,
актеры же как будто обалдели:
руками машут в монологах,
руками машут в диалогах,
руками машут в радости, в беде,
как будто плавают в воде!
Серебряков от хвори ноет,
в воде босые ноги моет...
А героиня даже в спальне
все остается в платье бальном.
Петух и курица со сцены
все норовили улизнуть,
из-за кулис актеры
старались их вернуть...
Конечно, может публика и дура,
но видит, где петух, где кура...
где настоящая культура,
где режиссура, где халтура.
Да, я из публики
и потому, конечно, в дурах:
не поняла, о чем спектакль –
о людях иль о курах?!

*25 июля 1991 г.
Новая редакция 25 февраля 2004 г.
Вехи Таганрога. 2004. № 20. С. 62*

ОБРАЗЦОВА Н. «ПОКИНУВ С ЮНОСТИ РОДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ...»

Покинув с юности родное побережье,
Узнав Москву, другие города,
Южанином остался он, как прежде,
«фантастический» запомнил
навсегда.
Птиц голоса, простор степей
зеленый

...И прожил недолго,
И жил нелегко,
Немногим себя доверяя,
Но факел искусства
Пронес высоко,
Сквозь пошлости жизни шагая.

Таганрогская правда. 2004. 29 января. С.3

ОБРАЗЦОВА Н. КАМЕННАЯ ЛЕСТНИЦА

Вросли в крутой обрыв ступени,
Внизу лежит морская синь.
Бегут к воде косые тени
Акаций, кленов и маслин.

Вдали летит лениво чайка,
Растет в расщелинах трава...
Я слышу - старая гречанка
Мне шепчет странные слова:

- Те плиты вязкого асфальта
Куда надежней и прочней!
Их положил купец Деспальдо
Под ноги дочери своей.

Спускаясь к морю в платье белом
Она бледнела всякий раз,
И все глядела, все глядела
В ту сторону, где родилась...

Я ухожу в густые тени
Акаций, кленов и маслин.
Летят за мною по ступеням
Обрывки песен и былин.

На этих солнечных террасах
Стоял Чайковский молодой.
Купаясь в море южных красок,
Как жадно слушал он прибой!

Еще ступень... Запахло дымом,
Чужая речь звучит внизу:
Враги дошли сюда из Крыма
И вверх по лестнице ползут...

И до сих пор преданье свято:
Отсюда горсточка солдат
Штыком - без пули и гранаты –
Десант отбросила назад.

Еще ступень... И вот то место:
Сюда, сорвав весенний лист,
Еще России неизвестный,
Спускался Чехов-гимназист,

Смотрел, как чайка пролетала,
Волну стараясь не задеть:

Она тогда еще не знала,
Что ей в бессмертие лететь.

Гавань надежды: Стихи о Таганроге. – Таганрог. 2003. С.42-43

ОБРАЗЦОВА Н. ЧЕХОВ

Сажая тополь, о лесах мечтать
И прозревать туман других столетий!
Он звал потомков землю украшать,
Сжигая корни всяких лихолетий.
О, как хотелось перебросить мост
В наш день, такой заманчивый, тревожный!
Но, диагностик опытный, вопрос
Привык он ставить очень осторожно.

...Свершится скоро техники вторженье
В мир городов и дремлющих полей.
...Свободно расцветет воображенье —
В том мощь и сила будущих людей.
...И юмор — спутник силы и свободы —
Привычен станет каждому народу...

— А войны?.. Воины в этом мирном блеске,
Как пережиток, в прошлое уйдут...
О, если б знал, какой пожар вселенский,
Какие испытания нас ждут!

Донские горизонты. Сборник произведений донских писателей. Ростов н/Д. 1995. С.478

ОБРАЗЦОВА Н. ВЗГЛЯД НА ВОСТОК

*Амур чрезвычайно интересный край.
А. Чехов. 1890.*

Путь его на Восток оказался не прост:
Рек весенних разлив... Бездорожье...
Но проплыл по Амуру вверх тысячи верст
И зеркальный Байкал видел тоже,
Простирался направо дремучий Китай,
Слева скалы России вставали...
Был но скалах
 крылатый приветственный гай —
Стаи птиц пароход провожали.
До Китая, казалось, рукою подать:
Ведь Амур здесь -
 живая граница:
Может каждый на берег китайский шагать,
Где свобода такая приснится?
От Иркутска
 китайцы встречались в пути —
Всюду длинные косы чернеют.
— Хоть живут небогато, а вес же они
Одеваться красиво умеют...
Дружелюбные взгляды заметил.
 В тот миг
Мысль блеснула, проста и широка:

- Да, Китай, как Россия,
 пустынен и дик,
До Европы обоим далеко...
А потом по острогам ходил, одинок.
Потрясен, удручен Сахалином.
Сквозь туманы неярко
 светился восток,
Волны глухо шумели, пустынно...
Этот гул океана везде окружал,
То угрюмее был, то полегче...
Вечный плен здесь тому,
 кто на остров попал!
Волны тяжело давили на плечи.
Человечьих страданий глухая стена,
Целый мир заслонив, была рядом.
А за нею — Россия,
 родная страна,
Океанская ширь и громада.
Как мы плохо живем!
 Справедливости нет,
Трудолюбие нас не касается...
Этот горький упрек через сотню лет
В его письмах живет, повторяется.
Этот путь на Восток
 смелым подвигом был:
Как сумел одолеть все преграды?
Его письма вещали:
 — Спасайте Сибирь!
Здесь дорогу железную надо!
И, наверное, знал,
 что на острове том
Клады многие скрыты глубоко,
Но возьмут их не каторжным тяжким трудом —
Вскроет вольный Хозяин Востока.

*Донские горизонты. Сборник произведений донских писателей. Ростов н/Д. 1995.
С.479-480*

ОБРАЗЦОВА Н. СОВРЕМЕННОК

...я сознаю, что климат немножко и в моей власти...

А. Чехов. «Дядя Ваня».

Все в городе — так ли, иначе —
С Чеховым силится слиться...
Туман предвечерний не прячет
Знакомые образы, лица.
Мальчишка встречается часто,
Бегущий с Каштанкой веселой.
Над картой склоняется Астров,
Рисует чащобы и доли...
Вглядитесь: картина уезда
Сплошной обвинительный акт:

Гибнет прекрасное место,
Леса вековые трещат.
Реки мелеют и сохнут,

ОБРАЗЦОВА Н. ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

Когда-то Чеховы жили
Поблизости, в тесноте...
Отсюда в Москву отбыли –
Остался один Чехонте.
Один, чтобы кончить гимназию,
Уроки давать успевал,
И после «дремучую Азию»
Часто в Москве вспоминал.
И как-то не верится даже,
Но случай историей стал:
В альбом Селивановой Саше
Басню, шутя написал...
Позже, в усадьбе его подмосковной,
Гостьей была она – Краузе,
Веселая, шумная Александра Львовна –
Такая забудется разве?
Домовладелица и акушерка,
Но больше всего – садовод:
Помню те розы, пионы, шпалеры,
Сирени кусты у ворот...
Каждый, играя в орлянку,
Мальчишка доподлинно знал:
Чехов свою Каштанку
На улице нашей видал.

Таганрогский вестник. 1996. 7 февраля. С.7

ОБРАЗЦОВА Н. ПУТЕШЕСТВЕННИК

...Он в сердце России.
Здесь ивы
Молчат над зеленым прудом,
Березы, дубы молчаливы,

Но полнится встречами дом.
От шумных застолий, от смеха
Спешит он в свой флигель, как в скит...
На кровле крутой островерхой
Флагшток в ожиданье стоит.
Как лекарь, в округе известен.
Он занят, он вечно в делах –
И все-таки дух путешествий
Нагрянет, как Черный монах:
— На озеро Комо!
В Сахару!
На Дальний Восток!
На Цейлон...
Не флаг на флагштоке,
а парус,
Ветрами попутными поли...
...Вновь северный край ему снится,
Сиянье полярной ночи,
Но дальше изнеженной Ниццы
Его не пускают врачи.
И в душном постылом отеле

— Любовь нас ослепляет, словно солнце —
Твердят негромко чеховские строки,
И эту истину доносят нам японцы,
Как греки древние просты и босоноги.

Образцова Н. Осенние зарницы. Таганрог. 1995. С.75

ОБРАЗЦОВА Н. СОЕДИНИЛА СЦЕНА

*Я многого жду от «Вишневого сада»,
О. Л. Книппер — А. П. Чехову*

Жалеют женщины Антошу Чехонте
И женщин тех, что лишь мгновеньем были
В московской повседневной суеде
И дней веселых с ним не разделили.

Быт — не его забота. Он искал
Осуществленья замыслов. И только.
Но не встречал таланта, огонька...
В конце пути ему явилась Ольга.

Соединила сцена их, чтоб рядом
Плели венок серебряный России...
Его пророчеств дальние заряды
И голос Ольги люди не забыли.

Печаль и нежность в сердце затая,
Не обещая возвратиться завтра,
Увез ее он в дальние края
И там простился с нею. И с театром.

Образцова Н. Осенние зарницы. Таганрог. 1995. С.77

ПАЛИЙ А. НА ЧЕХОВСКОМ ПОДВОРЬЕ

Был Таганрог купеческим с обилием церквей,
Маяк встречал приветливо армады кораблей,
Французы, греки, турки спешили в порт гурьбой,
И процветал торговлей наш город непростой.

История, история...
Здесь, что ни шаг, - следы,
На Чеховском подворье
Цветы, цветы, цветы...

На Полицейской улице среди цветов и хат
Купеческий домишко был вовсе не богат,
Тропинка к дому тянется (сколь хожено по ней),
Сюда поныне движется живой людской ручей.

История, история...
Простой, как жизнь, сюжет,
На Чеховском подворье
Антоши детский след.

В семье большой купеческой Антоша-гимназист,
Ребёнком рос смышлёным он, хоть с виду неказист,
И в лавке дело спорится, в театре - не чужой,

И парк манил прохладой, Антон был молодой.

История, история...
Известен день и час,
Как в лавке за конторкою
Был сочинён рассказ.

Как памятные вехи
Минувших лет следы.
Мечта Антона Чехова –
По всей Земле сады.

Таганрогская правда. 2015. 23-29 января. С.15

ПАЛИЙ А. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

Он в нашем городе родился,
по узким улочкам бродил
и город часто ему снился
в тоской подёрнутые дни.

Он втайне городом гордился,
хоть быт мещанский порицал,
и в Таганрог душой стремился,
о тихом домике мечтал.

Сады вишнёвые по свету –
мечту не раз он описал,
теперь глядит, грустит об этом,
взойдя на вечный пьедестал.

Улыбку пряча в мини-бороду,
он нам - потомкам, видим, рад
и помогает зримо городу
одеться в праздничный наряд.

Палий А. Круговерть. Таганрог. 2009. С.178

ПАЛИЙ А. ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ

Увы, бессмертны Чехова герои,
Хоть с той поры прошло немало лет.
Так, вероятно, бранный мир устроен,
Что с прошлым схож сегодняшний сюжет:
Там вырубают сад в угоду чьей-то воле,
Там шаркунов, чинуш неисчислим отряд
И Беликовых встретим в новой школе,
Хамелеоны на посту стоят.
Они наглы, беспечны. Мимикрия.
И новый Чехов, может быть, грядёт.
К чему пришла, великая Россия?
И что ещё за перепутьем ждёт?

Палий А. Круговерть. Таганрог. 2009. С.8

ПАТОКА И. В ОЧЕРЕДНОЙ (КОТОРЫЙ!) РАЗ...

В очередной (который!) раз
Отметим Чехова рождение.
О, как неверно заблужденье,
Что наш земляк - «калиф на час»,
Что он - писатель «безвременья»!
Герои в сумрачной тоске
Возводят замки на песке.
Все это критик и нахал
Пером брюзжащим написал
Или скорей слюной брызжащей
Плевался на листы газет,
Чтоб зависти оставить след.
А что же Чехов? Наш герой
Достигнул славы мировой
И, пересекши океан,
Затмил джеклондонский роман
Своим пером таким правдивым
И персонажем очень милым,
На удивление родным,
Не без заскоков, но своим.
Не мудрено! Он с ними жил,
Он постоянно их лечил,
Знал их пороки и пристрастья,
Недолгие мгновенья счастья!
Заботы суетны оставьте,
Откройте томик земляка:
Пред вами - адмирал в отставке,
Жандарм, извозчика «Тоска»,
Чревоугодная «Сирена»,
Больной желудком прокурор,
Девушка томно прячет взор,
И вин «Клико» шампанских пена
Над разудалой головой,
Наметом тройка мчится к «Яру»,
Скользит с подносом половой,
И неизменная гитара,
И заунывных песен вой.
Рябит в глазах от персонажей,
Везде их лица мельтешат.
Считайте: их не сотни даже,
А тысячи! Листы шуршат:
Пред вами русские пейзажи,
Вовсю цветет «Вишневый сад».
Да, наш земляк любил Россию,
Но мягким чеховским пером
Подсказывал: да, небо сине,
Но вот пройдемся топором,
Сведем леса, загубим реки,
И азиатские пески
Погубят Родину навеки,
И мы зачахнем от тоски.
Изведав множество дорог,
Строчит посланье мэру Фоти
В любезный город Таганрог:
«Что ж поручений мне не шлете?»

Он весь наполнен южным солнцем,
Им пахнут донник и чабрец.
Для нас он словно свет в оконце.
А вы: «Он сумерек певец».

Таганрогская правда. 1999. 29 января. С.5

ПАТОКА И. ЧЕХОВУ

Зноем налилась листва деревьев,
Тщетную надежду затая,
Мчались Вы чугункой в Баденвейлер
Умирать в немецкие края.
Южный ветер нёс знакомый запах,
Обещая излечить недуг.
Ах, зачем вы понеслись на запад?
Отчего б не повернуть на юг.
Вам уже обрыдла граница,
Суэта азартных казино,
Русский пансион в скучнейшей Ницце,
Итальянцев кислое вино.
Плюньте на Варшавскую железку —
Время южный скоро подавать!
Будете в Харцызске ростбиф трескать,
В Туле кофий шнапсом запивать.
Слаще всяких там мелодий райских,
Соловьи под Курском станут петь,
А за узловатым Иловайском
Вас обнимет ласковая степь.
Водокачки, коршуны, безлюдье,
Гурт скота с прасолом — удальцом...
Наконец, вдохнёте полной грудью
Воздух, напоенный чабрецом.
Глянет в окна серенькое море,
Машинист протяжный даст гудок,
И возникнет на степном просторе
Небольшой уютный городок.
Надобно на родине лечиться!
Проплывает чистенький перрон,
И родных полузабытых лица
Заглянули в скрипнувший вагон:
- Как, Антоша, удалось доехать?
А в лицо — верховки ветерок,
И не надо по-немецки шпрехать —
Всюду южнорусский говорок.
Всё же утомились вы с дороги,
Капитально надо отдохнуть:
Протяните вдоль прешпекта ноги,
Распрямите вогнутую грудь,
И накинув степи одеяло,
Спать ложитесь на петровский мыс.
Жаль у нас водичка подгуляла,
Но зато в Гордоне есть кумыс.
На заре жужжа, вас будят пчёлы,
Взяв с акаций белых липкий мёд.
И с души спадает груз тяжёлый
Бытовых и нравственных забот.
И с лицом, помолодевшим сразу,

Будете, проснувшись поутру,
Как дьячок из Вашего рассказа,
Ложкой есть зернистую икру.
Солнце припекает как жаровня,
Хочется душой весь мир обнять!
И пудами южное здоровье
Ваше тело станет наполнять.
И к столу скорей — писать про это,
Как вишнёвый сад цветет весной.
Сколько неисполненных сюжетов
В Вашей старой книжке записной!
Вам ещё стереть бы сотни перьев,
Пуд бумаг чернилом измарать!
Ах, зачем Вы мчались в Баденвейлер?!
Где родились — там и помирать!
И тогда при скорбном перегоне
Сотню лет назад из-за границ
Вас не привезли в чужом вагоне
С надписью служебной «Для устриц».
На кумиров дум проходит мода,
Помнит кто о прежнем божестве?
За могилой Вашей нет ухода
В сытой и богатенькой Москве.
Что поделать? И живых и мёртвых
Гениев в Москве не перечесть.
Что для нас их чуждые когорты?
Вы один на целом свете есть!
Мы Вас помним средь степей и пашен,
Крестимся, касаясь плеч и лба.
Жаль пренебрегли заветом Вашим:
Выдавить по капельки раба!

Берега: Литературно-художественный альманах № 3. – Таганрог, 2006. – С.31-33

ПОКРОВСКАЯ О. ПРОЗАИК

Его используем слова,
Его размениваем имя.
И филологий кружева
Плетём тщеславьями своими.

Да он и сам ведь, тоже был
И молод, и амбициозен.
И всё писал, писал творил
Но не в поэзии, а в прозе.

А проза-жизнь, она была,
Из тысяч крошечных рассказов.
И летней ночью вдруг ушла
Ушла решительно и сразу.

Не за неё ли пил бокал
Вина шипучего, наш гений,
И вечность тихо постигал
Он в прозе без стихотворений?

ПОКРОВСКАЯ О. СНОВА ЧЕХОВ. И ТАК КАЖДЫЙ ГОД...

Снова Чехов. И так каждый год,
В день рождения свой, а не тризны,
Возвращается к нам и живет
Здесь в провинции, в малой отчизне.
И она снова поит его,
Снова кормит духовною пищей,
И не просит взамен ничего...
Все равно ей, богач ты иль нищий.
Просыпается чеховский край
Неожиданно, лютой зимою,
И летит на санях в снежный рай,
Увлекая весь мир за собою.
Непременно в конце января
Чехов скажет вам слово такое,
Что в душе разольется заря
Таганрогским обманным покоем.
И, поверив смешливым словам,
Вспомнив города милые лица,
Вы оцените то, что и вам
Здесь позволено было родиться.
Здесь все те же висят небеса,
Старых улиц слышны голоса
И такое ручное на вид
Море память о прошлом хранит...

г. Таганрог.

Таганрогская правда. 2015. 30 января-5 февраля. С.9

ЧЕХОВСКИЙ КРАЙ (СЛОВА И МУЗЫКА О.ПОКРОВСКОЙ)

Снова Чехов и так каждый год
В день рождения свой, а не тризны,
Возвращается к нам и живёт
Здесь в провинции, в малой отчизне.

И она снова поит его,
Снова кормит духовною пищей,
И не просит взамен ничего –
Всё равно ей богач ты иль нищий.

Просыпается чеховский край
Неожиданно лютой зимою
И летит на санях в снежный рай,
Увлекая весь мир за собою.

Непременно, в конце января,
Чехов скажет вам слово такое,
Что в душе разольётся заря
Таганрогским обманным покоем.

И поверив смешливым словам,
Вспомнив города милые лица,
Вы оцените то, что и вам
Здесь позволено было родиться.

Припев:
Здесь всё те же висят небеса,
Старых улиц слышны голоса.
И такое ручное на вид,
Море память о прошлом хранит...

ПУХЛЯКОВА К. А. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

17 января 1860-1910 гг.

На сумрачном лоне вседневной заботы
Твой лик незабвенный с улыбкой усталой
Встает предо мною и нежностью злой,
Как дымкой прозрачной, объемлет сознание:
«Хотеть только счастья и видеть страданья!...»
И падают часто на жадную землю
И слезы... и ропот... и я ему внемлю.
Любви добиваться у жизни пустынной
Не вынесло тело, сгорело, как факел,
И ты, умирая, по родине плакал.
И плакало небо за темною тучей
И звезды, увидев ту смерть пред собою,
Бледнея погасли одна за другою...
И только лишь «пошлость» была равнодушна...

.....
Волной грандиозной гроза подымалась
И люди, предвидя ее, содрогались.
И встала невольно красивая фраза
Ее повторял ты с улыбкою ясной:
«Жизнь будет цветущей, жизнь будет прекрасной!...
А тучи все громче, все чаще гремели.
И небо, казалось, разрушить хотели...

Таганрогский вестник. 1914. 17 янв.

РАВИЧ-ЩЕРБА Г. В ЛАВКЕ ЧЕХОВА

Что в детстве было смутно, непонятно,
Теперь здесь прорастает на корню ...
Я прикоснулся к чеховским пенатам,
Я ценности музейные храню.

Название прозаическое "Лавка...",
Не вдохновляющее для ушей.
Но есть настрой и значит в жизни правка,
В прикосновениях к чеховской душе.

Колониальные и прочие товары,
Торговля, чем желаете, подряд:
Иконки и аптечные отвары,
Распивочное место здесь и склад,

Завсегдаев часто здесь встречала
Сквозь холод бледность юного лица.
Здесь торговал он сальными свечами
По повеленью строгого отца.

И о тепле мечтал, о верхнем зальце,
Скорей попасть в уютный уголок,
И дул на замерзающие пальцы,
И делал гимназический урок.

И ко всему тому здоровьем крепким
Не обладал сей юный организм,
Когда подчас велись ночные спевки,
Где правил всем отцовский деспотизм.

Но наверху, как бы на переменке,
В свободный час иной был задан тон:
Звучала музыка, разыгрывались сценки,
Где были авторами юмор и Антон.

И в жизни, чаще трудной, жесткой, строгой
Во всей непримиримой остроте,
Подспудно, что дано было от Бога,
Крупнело к Чехову от Чехонте.

Равич-Щерба Г. Лирический вернисаж. Таганрог. 1996. С.5-6

САПОТНИЦКАЯ Н. «ЧЕЛОВЕК, В КОТОРОМ ВСЕ ПРЕКРАСНО...»

Человек, в котором все прекрасно –
мысли, и одежда, и лицо,
вечером тебе ходить опасно,
да и днем хватает подлецов.
Выдавить раба из человека!
Чуть покрепче только надави...
Был рабом, а стал душой калека
без мечты, без веры, без любви.
Ах, романтик, верил в самом деле,
что пробьемся к свету через тьму.
Да, народ держали в черном теле,
но сегодня лучше ли ему?
Хочется мне верить - не напрасно
жил когда-то честно, не спеша
человек, в котором все прекрасно
и лицо, и мысли, и душа.

Дар. 1995. №10 (октябрь). С.9

СУХОРУЧЕНКО Г. ГОРОД ЧЕХОВА

Над зеркальной гладью залива
ты стоишь в изумрудных садах,
город Чехова, город счастливый,
не подвластный суровым годам.

Здесь мартены гудят днем и ночью,
здесь комбайны в цехах создают,
здесь о городе нашем рабочем
люди звонкие песни поют.
Постоянно гордиться мы будем
необычной твоею судьбой,
ты великого Чехова людям

подарил, город солнечный мой.
В необъятных просторах Отчизны
исходил я немало дорог,
но не видел тебя я красивей,
город Чехова, мой Таганрог!

Таганрогская правда. 1968. 21 сентября. С.4

СУХОРУЧЕНКО Г. КАРТИНУ РИСУЕТ ХУДОЖНИК

Картину рисует художник
«В театре Чехов Антоша».
С друзьями сидит он хорошими
на самой галерке, не в ложе.
Такой же, как все гимназисты,
но взгляд его самый внимательный,
но взгляд его самый неистовый:
пошло,
не занимательно,
сладко
и даже приторно!
Ясно,
кому это надо —
все это точно рассчитано
на вкусы
аристократов.
...Художник рисует.
Быстро мазки на холсте
ложатся
И видим мы — в гимназисте будущий драматург
рождается.

Комсомолец. 1960. 29 янв. С. 3

СУХОРУЧЕНКО Г. ЧЕХОВ

Мы говорим: «Наш
 Чехов,
 наш земляк!» -
и оттого спокойней
 и сильнее.
Когда б не он – бедней
 была б земля,
людские души были
 бы беднее.
Идет по жизни рядом
 с нами он.
И хоть на вид и прост
 и неприметен,
в созвездии
 негаснущих имен
Его звезда нам прямо
 в сердце светит!

Таганрогская правда. 1980. 29 января. С.3

ТКАЧЕВ И. А. П. ЧЕХОВ

Зажглась, как тысяча свечей, заря.
Глава семейства Богу помолился –
Антоша Чехов - третий сын, родился.
Красив, здоров, и вес богатыря!

Он стал писателем, пленившим мир,
Таких, как Чехов, мало на планете.
О нем в ходу легенды и сонеты,
Он - гордость таганрожцев, наш кумир.

Не забывал друзей, купаясь в славе.
Знакомый мягкий взгляд, пенсне в оправе,
Немного скомканный волнистый чуб.

Мечтал вернуться в город детства снова,
Но был болезнью, как цепями, скован...
Задумался у моря старый дуб.

Ткачев И. Шальные чайки. Таганрог. 1997. С.5

ФИЛИППОВА О. СНЕГ ШЕЛЕСТИТ ПО ТАГАНРОГУ...

Как тихо хочется под вьюгу
Снежинку в вальсе закружить,
Свои мечты поведать другу,
Забыв гимназии режим.
На санках вмиг сорваться с горки,
Глотнуть студеной воздух дней,
Сбежать в театр на галерку
От надзирательских очей...
На небе вспыхивают звезды,
И дни летят, как на пожар.
В уютном домике в морозы
Пыхтит пузатый самовар.
Медовым ладаном струится
Крещенский звон колоколов.
Семейство Чеховых садится
За стол откусать пирогов.
Все впереди: любовь, разлука
И скука смертная от слёз,
И те писательские муки,
Что голос "Чайки" нам донес.
Парит над занавесом МХАТа
Ее мятежная душа,
Познавши боль надежд и радость,
К нам, их наследникам, спеша!
Снег шелестит по Таганрогу,
Ждет встречи Чеховский театр,
И сердце верит": все дороги
Зимы ведут – в вишневый сад.

Вехи Таганрога. 2000. № 3. С.48

ФИЛИППОВА О. В ЛАВКЕ ЧЕХОВЫХ

Запахнет чаем в лавке Чеховых,
Ступенька скрипнет под ногою.
Прошелестит листвою ореховой
Былое время за спиною.
В прихожей вешалка качнется,
Пальто отцово принимая,
И луч закатный изогнется,
В намокшем зонтике сгорая.
Не будет пустоты музейной.
Ее заполнят разговоры

О том, что на дворах осенних
Уже зима завьюжит скоро,
И в ней мальчонке Таганрога
Сидеть в метель у самовара,
Молясь купеческому Богу
В клубах дымящегося пара...
И есть блины, икру, маслины,
И конус сахарной головки
Вообразать снегов вершиной
Под новогодние обновки,
Беспечность детства ощущая,
Как вкус варенья из клубники,
Еще себя не представляя Антоном Чеховым - Великим...

Филиппова О. Врата-обереги. – Таганрог. 2001. С.9

ФИЛИППОВА О. ИЗ ЦИКЛА «НАБРОСКИ»

Дом с мезонином на улице Шмидта.
Чеховский грустный рассказ...
Окна его, шумом ливней промыты,
Смотрят квадратами глаз.
И на мгновение покажется: в окнах
Шляпка Мисюсь промелькнет...
Словно ударивши прошлого током,
Тут же во мгле пропадет.
Свяжется давний цветок с настоящим
В пахнувший маем веночек.
И одуванчиков нежность сквозящая
Ляжет на дома порог,
Будто автографа чеховский росчерк
В память о прежней весне
И о любви, что не только приносит
Счастье, как в сказочном сне...
Дом с мезонином на улице Шмидта.
Светлая майская грусть.
Дождь, на спешащих прохожих пролитый,
Где ты, землячка Мисюсь?..

Таганрогский вестник. 1968. 21 сентября. С.4

ХАРИНА Л. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

Как хорошо вот так собраться
В старинный дом
И говорить о человеке,
Который близко нам знаком.

Уж потому, что здесь родился,
Учился, юношею стал,
Хоть взгляд почти уже привычно
Скользит по памятным местам.

Но вот какая-то невзгода —
И на душе нехорошо,
Вы томик Чехова берете,
И с ним приходит волшебство...

Кусочек жизни посторонней.
Что ни рассказ — как в капле мир:
И легкий смех, и юмор тонкий,
И тихий вздох... Каким он был?

Был человеком. Все земное
Не миновало стороной.
Сам вырвался из плена рабства,
Но, правда, дорогой ценой.

На суд потомков (самый строгий
И нелицеприятный суд)
Оставил он свои раздумья
И, подвигу подобный, труд.

И приговор суда известен,
И ничего не сделать тут —
Одни становятся историей,
Другие в забвенье уйдут.

Как хорошо вот так собраться
В старинный дом
И говорить о человеке,
Который близко нам знаком!

Вехи Таганрога. 2000. №3. С.49

ШАПОЧКА Е. «АХ, ЗАЧЕМ ЖЕ НАМ ВСЕМ УМИРАТЬ! ...»

Ах, зачем же нам всем умирать!
Невозможно никак понять,
А представить, что вечно жить,
А представить, что вечно кружить,
И ответа никак не найти
Ни в конце, ни в начале пути...
Вечно жить, словно вечно не спать —
Лучше Чехова не сказать.